

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Плутарх

Сравнительные жизнеописания - Ликург и Нума Помпилий

Ликург и Нума Помпилий

Перевод В.Алексеева.

ЛИКУРГ

I. В общем, ни один из рассказов о законодателе Ликурге не заслуживает полного доверия. О его происхождении, путешествиях, смерти, наконец, о его законах и политической деятельности существуют разноречивые показания; но в особенности мало сходства в рассказах о времени его жизни.

Одни считают его современником Ифита, принимавшим вместе с последним участие в установлении перемирия на время Олимпийских игр, -- мнение, разделяемое и философом Аристотелем, который ссылается на надпись на диске в Олимпии, где упоминается имя Ликурга. Другие, придерживаясь при хронологических вычислениях списков династии древних спартанских царей, например, Эратосфен и Аполлодор, говорят, что он жил незадолго до первой олимпиады. Тимей принимает двух Ликургов, живших в Спарте в разное время, -- одному из них предание приписывает то, что сделано обоими. Старший из них был почти современником Гомера, или, как утверждают некоторые, даже лично знал Гомера. К древнему времени относит его жизнь и Ксенофонт, называя его несколько раз современником Гераклидов. Но, вероятно, под "Гераклидами" он понимал древнейших царей, ближайших родственников Геракла, так как "Гераклидами" назывались и позднейшие спартанские цари.

Ввиду сбивчивости показаний историков мы постараемся описать жизнь Ликурга на основании тех данных, которые всего менее противоречат друг другу, и рассказов лиц, заслуживающих полного доверия.

Поэт Симонид называет, например, отцом Ликурга не Эвнома. По его словам, Ликург и Эвном были сыновьями Пританида. Большинство, однако, приводит другую родословную: если верить им, Прокл, сын Аристодема, был отцом Соя. Сой имел сына Эврипonta, последний -- Пританида, этот -- Эвнома, Эвном, от первой жены, -- Полидекта, от второй, Дионассы, -- Ликурга. Таким образом, по историку Диевтихиду, Ликург является потомком Прокла в шестом колене и Геракла в одиннадцатом.

II. Из его предков самым знаменитым был Сой, в царствование которого спартанцы обратили илотов в рабство и присоединили к своим владениям значительную часть Аркадии. Говорят, Сой, окруженный однажды клиторцами в неудобной для сражения и безводной местности, предложил им заключить мир и возвратить завоеванную у них землю, если они позволят ему и всему его войску напиться из ближайшего источника. Мир был заключен под клятвой. Тогда он собрал свое войско и обещал отдать престол тому, кто не станет пить. Но никто не мог побороть себя, все утолили жажду, только один царь, спустившись вниз на глазах всех, лишь плеснул на себя водой в присутствии неприятелей. Он отступил, но не вернулся завоеванной им земли, ссылаясь на то, что "не все пили".

Несмотря на все уважение к нему за его подвиги, его род называли не его именем, а Эврипонтидами, по имени его сына, -- вероятно, Эврипонт, заискивая у народа, желая приобрести любовь черни, поступился частью своих прав неограниченного монарха. Вследствие этих послаблений народ поднял голову. Следующие затем цари были или ненавидимы народом за свою строгость по отношению к нему, или становились предметом насмешек за свою уступчивость и слабохарактерность, поэтому в Спарте долго царили беззначание и смуты, жертвами которых пал и царь, отец Ликурга. Желая разнять драку, он был ранен кухонным ножом и умер, оставив престол своему старшему сыну, Полидекту.

III. Когда вскоре скончался и Полидект, все считали законным наследником престола Ликурга, и, действительно, он правил государством, пока ему не сказали, что его невестка беременна. Узнав об этом, он объявил, что, если новорожденный окажется мальчиком, он передаст престол ему, лично же будет управлять государством в качестве опекуна. Опекунов сирот-царей спартанцы называли "продиками".

Между тем вдовствующая царица завела с ним тайные сношения и говорила, что готова вытравить свой плод, чтобы выйти замуж за него, когда он будет царем. Ликург ужаснулся ее жестокости, но не ответил отказом на ее предложение, сказал, что он в восторге от него, ничего против него не имеет, только советует ей не вытравлять плода, беречь себя, не губить своего здоровья приемом сильнодействующих средств и объявил, что постараится убить ребенка тотчас же после его рождения. Таким образом, ему

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org удалось обмануть царицу, пока ей не пришло время разрешиться от бремени. Когда он заметил, что роды близки, он отправил во дворец нескольких человек, в качестве свидетелей разрешения ее от бремени, а также для надзора за ней, приказав им в случае рождения девочки передать ее женщинам, мальчика принести к нему, что бы он ни делал. Царица родила. В это время он сидел за обедом вместе с высшими сановниками. Рабы явились к нему с малюткой на руках. Он взял его и обратился к присутствующим со словами: "Вот, спартанцы, ваш царь!". Он положил его на трон и назвал Харилаем, так как все радовались и приходили в восторг от его великолодия и справедливости. Ликург царствовал всего восемь месяцев, но успел заслужить глубокое уважение от своих сограждан. Ему повиновались не только по одному тому, что он был царским опекуном и имел в руках верховную власть, большинство охотно исполняло его приказания, слушалось его, из уважения к его нравственным качествам. Но у него были и завистники, старавшиеся помешать успехам молодого человека, главным образом родня и приближенные матери-царицы, считавшей себя оскорблённой. Брат ее, Леонид, позволил себе однажды кровно обидеть его, сказав, между прочим, что он отлично понимает, что рано ли, поздно ли, только Ликург будет царем, желая этим навлечь подозрение на Ликурга и заранее оклеветать его, как заговорщика, если с царем случится какое-либо несчастье. Подобного рода слухи распускала и царица. Глубоко оскорблённый и не желавший подвергаться случайностям, Ликург решил покинуть родину, отклонить от себя подозрения и пробыть в путешествии до тех пор, пока его племянник подрастет и будет иметь себе наследника.

IV. Уехав, он прежде всего посетил Крит. Изучая его государственное устройство и беседуя здесь с самыми известными из граждан, он хвалил некоторые из их законов и обращал на них внимание, чтобы перенести их и ввести в употребление у себя в отечестве, но некоторые не считал заслуживающими этого. Он очаровал своим любезным и дружеским обращением и уговорил переселиться в Спарту одного из уважаемых за свой ум и государственную мудрость островитян -- фалета. Он слыл лирическим поэтом, на деле же преследовал те же цели, которые преследовали лучшие из законодателей. В своих стихотворениях он желал пробудить любовь к порядку и согласию. Их мелодия притом много способствовала к установлению порядка и прекращению раздоров. Слушавшие их незаметно для себя смягчали свои нравы; в их сердца глубоко западало стремление к прекрасному взамен царившей до этого между ними вражды, так что этот человек в известной степени указал Ликургу путь для воспитания его народа.

Из Крита Ликург поплыл к берегам Азии. Он желал, говорят, сравнить простоту и суровость образа жизни критян с роскошью и изнеженностью ионийцев -- как врач сравнивает хилое и болезненное тело со здоровым -- и, таким образом, увидеть разницу между их образом жизни и государственным устройством. Здесь он, вероятно, в первый раз узнал о существовании поэм Гомера, которые хранились у потомков Креофилла. Он заметил, что между местами, чтение которых может доставить удовольствие, приятное развлечение, есть такие, которые заслуживают не меньшего внимания благодаря заключающимся в них правилам политики и нравственности, поэтому охотно списал их и собрал, чтобы привезти домой. Об этих поэмах греки имели уже смутные представления. У небольшого числа лиц были отрывки из них, между тем как сами поэмы переходили из уст в уста в не имевших между собою связи отрывках. Ликург был первым, кому мы обязаны знакомству с ними в их полном виде.

Египтяне уверяют, что Ликург был и у них и что ему в особенности понравились существовавшие у них обособленные касты воинов, вследствие чего он ввел то же и в Спарте и, образовав отдельное сословие ремесленников и мастеровых, явился основателем класса настоящих, чистых граждан. С египтянами согласны и некоторые греческие писатели; но, насколько мне известно, только один спартанец, Аристократ, сын Гиппарха, утверждает, что Ликург был на севере Африки и в Испании, а также, что он путешествовал по Индии, где будто бы разговаривал с гимнософистами.

V. Между тем спартанцы жалели об отъезде Ликурга и не раз приглашали его вернуться. Они говорили, что их нынешние цари отличаются от подданных только титулом и тем почетом, которым они окружены, в то время как он создан для того, чтобы властвовать и обладать способностью оказывать на других нравственное влияние. Впрочем, и сами цари были не против его возвращения, -- они надеялись с его помощью сдержать наглость толпы. Он вернулся и немедленно приступил к преобразованию существующего порядка, к коренным реформам государственного устройства, -- по его мнению, отдельные законы не могли иметь ни успеха, ни пользы; как у человека больного, страдающего притом различными болезнями, следует совершенно выгнать болезнь смесью лекарств со слабительным и предписать ему новый образ жизни.

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org
С этой целью он прежде всего отправился в Дельфы. Принесши богу жертву, он
вопросил его и вернулся домой с тем известным оракулом, где пифия назвала
его "любимцем богов" и скорее "богом, нежели человеком". Когда он просил
дать ему "лучшие" законы, она отвечала, что бог обещает ему, что лучше его
законов не будет иметь ни одно государство.

Этот ответ ободрил его, и он обратился к самым влиятельным гражданам с
просьбою оказать ему поддержку. Но прежде всего он открыл своим друзьям,
затем постепенно привлек на свою сторону еще большее число граждан и
склонил их принять участие в его планах. Выбрав удобное время, он приказал
тридцати аристократам явиться вооруженными утром на площадь, желая
напугать, навести страх на своих противников, если бы такие оказались.
Гермипп сохранил имена двадцати самых знатных из них; но самым ревностным
помощником Ликурга в деле составления новых законов был Артмиад. В самом
начале этой суматохи царь Харилай убежал в храм Афины Меднодомной -- он
испугался, что все случившееся является заговором против него, -- но затем
склонился на увещания, взял с граждан клятву, вышел и принял участие в
преобразованиях. Он был слабохарактерен. Говорят, например, другой его
товарищ по престолу, Архелай, сказал хвалившим молодого царя: "Разве
Харилая можно назвать дурным человеком, если он не сердится даже на
негодяев".

Из многих преобразований, введенных Ликургом, первым и самым важным было
учреждение им Совета старейшин (герусии), который, сдерживая в известных
границах царскую власть и в то же время пользуясь одинаковым с нею числом
голосов при решении важнейших вопросов, служил, по выражению Платона, и
якорем спасения, и доставлял государству внутренний мир. До сих пор оно не
имело под собою прочной почвы, -- то усиливалась власть царя, переходившая
в деспотизм, то власть народа в форме демократии. Власть старейшин
(геронтов) была поставлена в середине и как бы уравновешивала их,
обеспечивая полный порядок и его прочность. Двадцать восемь старейшин
становились на сторону царя во всех тех случаях, когда следовало дать отпор
демократическим стремлениям. С другой стороны, они в случае необходимости
оказывали поддержку народу в его борьбе с деспотизмом. По словам
Аристотеля, число старейшин было такое потому, что из прежних тридцати
сообщников Ликурга двое отказались участвовать в его предприятии из страха.
Сфер, напротив, говорит, что число сообщников Ликурга было то же, что
сначала, -- быть может, потому, что число это четное, получаемое от
умножения семи на четыре, и так же, как и шесть, равное сумме своих
делителей. На мой же взгляд, старейшин было столько для того, чтобы вместе
с двумя царями их было в общем тридцать человек.

VI. Ликург считал это учреждение настолько важным, что послал в Дельфы
вопросить о нем оракула и получил от него следующий ответ, так называемую
ретру: "Выстрой храм Зевсу-Гелланию и Афине-Геллании, раздели народ на фили
и обы, учреди совет из тридцати членов, вместе с вождями, и пусть время от
времени народ сбирается между Бабикой и Кнакионом. Предлагать законы и
сбирать голоса должен ты, окончательное же решение должно принадлежать
народу". Учредить "фили" и "обы" значит разделить народ на мелкие единицы,
которые оракул назвал "филами", другие -- "обами". Под вождями следует
понимать царей. "Созывать Народное собрание" выражено словом "апелладзеин"
-- по мнению Ликурга, первым внушил ему мысль издать законы Аполлон
дельфийский. Бабика и Кнакион называются в настоящее время Энунтом.
Аристотель говорит, что Кнакион -- река, Бабика -- мост. Между двумя этими
пунктами происходили в Спарте народные собрания. Ни портика, ни другого
какого-либо здания там не было: по мнению Ликурга, это не только не делало
присутствующих умнее, но даже вредило им, давая им повод болтать,
хвастаться и развлекаться пустяками, когда они во время Народного собрания
станут любоваться статуями, картинами, театральными портиками или роскошно
украшенным потолком здания Совета. В Народных собраниях никто не имел права
высказывать своего мнения. Народ мог только принимать или отвергать
предложения геронтов и царей. Впоследствии, когда народ стал искажать,
извращать предложения, вносившиеся на его обсуждение, сокращая или дополняя
их, цари Полидор и Теопомп в прежней ретре сделали следующую прибавку:
"Если народ постановит дурно, царям и старейшинам уйти", другими словами,
они не должны были утверждать его решений, а вообще распустить собрание,
объявить закрытым, так как оно приносило вред, искажая и извращая их
предложения. Им даже удалось убедить граждан, что так приказал оракул. Об
этом говорит следующее место из Тиртея:

Те, кто в пещере Пифона услышали Феба реченье,
Мудрое слово богов в дом свой родной принесли:
Пусть в Совете цари, которых боги почтили,
Первыми будут; пускай милую Спарту хранят
С ними советники-старцы, за ними -- мужи из народа,

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org
те, что должны отвечать речью прямой на вопрос.

VII. Несмотря на то, что Ликург не передал государственной власти в одни руки, олигархия в чистом ее виде все еще продолжала заявлять о себе, поэтому его преемники, замечая, что она переступает предел возможного и становится невыносимой, учредили для обуздания ее, как выражается Платон, должность эфоров. Первыми эфорами, при царе Теопомпе, были Элат и его товарищи, что имело место спустя около ста тридцати лет после Ликурга. Говорят, жена Теопомпа упрекала его за то, что он передает своим детям меньшую власть, чем он получил сам. "Да, меньшую, -- отвечал царь, -- зато более прочную". Действительно, потеряв то, что для них было лишним, спартанские цари избегли зависти, грозившей им опасностью. Им не пришлось испытать того, что пришлось испытать царям мессенским и аргосским со стороны их подданных, когда они не пожелали поступиться чем-либо из своих прав в пользу демократии. Ум и прозорливость Ликурга делаются вполне понятными тогда только, если обратить внимание на те смуты и ссоры, которые происходили у единоплеменников и соседей спартанцев -- мессенцев и аргосцев. Им достались сначала по жребию даже лучшие участки в сравнении со спартанцами; но счастье их продолжалось недолго. Своеование царей и неповинование народа положили конец существовавшему порядку вещей и дали возможность убедиться, что законодатель спартанцев, поставивший каждой власти свои пределы, был для них истинным даром неба, ниспосланным для их счастья. Но об этом речь впереди.

VIII. Вторым из преобразований Ликурга, и самым смелым из них, было деление им земель. Неравенство состояний было ужасное: масса нищих и бедняков угрожали опасностью государству, между тем как богатство было в руках немногих. Желая уничтожить гордость, зависть, преступления, роскошь и две самые старые и опасные болезни государственного тела -- богатство и бедность, он убедил сограждан отказаться от владения землею в пользу государства, сделать новый ее раздел и жить всем на равных условиях, так чтобы никто не был выше другого, отдавая пальму первенства одним нравственным качествам. Неравенство, различие одного от другого должно было выражаться только в порицании за дурное и похвале за хорошее. Приводя свой план в исполнение, он разделил всю остальную Лаконию на тридцать тысяч земельных участков для жителей окрестностей Спарты, периэков и на девять тысяч -- округ самой Спарты: столько именно было спартанцев, получивших земельный надел. Некоторые говорят, что Ликург выделил только шесть тысяч участков и что три тысячи остальных прибавлены позже, Полидором, другие же -- что из девяти тысяч участков половину роздал он, половину -- Ликург. Каждый участок мог давать ежегодно семьдесят медимнов ячменя для мужчины и двенадцать -- для женщины, кроме того, некоторое количество вина и масла, чего, по мнению Ликурга, было достаточно, чтобы прожить не болея, в добром здоровье, и не нуждаясь ни в чем другом. Говорят, когда он возвращался потом домой и проходил по Лаконии, где только что кончилась жатва, он увидел ряды снопов одинаковой величины и сказал с улыбкой, обращаясь к своим спутникам, что вся Лакония кажется ему наследством, которое только разделили поровну многие братья.

IX. Чтобы окончательно уничтожить всякое неравенство и несоразмерность, он желал разделить движимое имущество, но, видя, что собственнику будет тяжело лишиться своей собственности прямо, пошел окольным путем и сумел обмануть своими распоряжениями корыстолюбивых людей. Прежде всего, он изъял из обращения всю золотую и серебряную монету, приказав употреблять одну железную, но и она была так тяжела, так массивна при малой своей стоимости, что для сбережения дома десяти мин нужно было строить большую кладовую и перевозить их на телеге. Благодаря такой монете в Лаконии исчезло много преступлений: кто решился бы воровать, брать взятку, отнимать деньги другого или грабить, раз нельзя было скрыть своей добычи, которая к тому же не представляла ничего завидного и которая даже разбитою в куски не годилась ни на что? Говорят, Ликург велел опускать раскаленное железо в уксус. Этим он лишал его твердости, делал ни на что негодным, бесполезным по своей хрупкости для выделки из него каких-либо вещей. Затем Ликург изгнал из Спарты все бесполезные, лишние ремесла. Впрочем, если б даже он не изгонял их, большая часть из них все равно исчезла бы сама собою вместе с введением новой монеты, так как их вещи не нашли бы себе сбыта, -- железные деньги не ходили в других греческих государствах; за них ничего не давали и смеялись над ними, вследствие чего на них нельзя было купить себе ни заграничных товаров, ни предметов роскоши. По той же причине чужеземные корабли не заходили в спартанские гавани. В Спарту не являлись ни ораторы, ни содержатели гетер, ни мастера золотых или серебряных дел, -- там не было денег. Таким образом, роскошь, не имея больше того, что могло поддерживать ее, давать ей средства к существованию, постепенно исчезла сама собой. Богач не имел никакого преимущества перед бедным, так как богатством нельзя

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org было похвастаться публично -- его следовало хранить дома, где оно было мертвым грузом. Поэтому все предметы первой необходимости -- кровати, стулья, столы -- спартанской работы считались далеко лучше других. В особенности славился спартанский котон, очень удобный, как говорит Критий, в походе, так как из него приходилось пить по необходимости иногда воду, -- он скрывал ее неприятный цвет, а так как вогнутые края задерживали грязь, то вода, которую приходилось пить, была чистою. За все это следует благодарить законодателя. Ремесленники, работавшие прежде предметы роскоши, должны были употреблять с тех пор свой талант на изготовление предметов первой необходимости.

X. С целью еще более стеснить роскошь и окончательно уничтожить чувство корысти Ликург установил третье, во всех отношениях прекрасное, учреждение, совместные трапезы, сисситии, -- для того, чтобы граждане сходились обедать за общий стол и ели мясные или мучные кушанья, предписанные законом. Они не имели права обедать дома, развалившись на дорогих ложах за дорогими столами, они не должны были заставлять своих отличных поваров откармливать себя в темноте, как прожорливых животных, вредя этим и душе, и телу, предаваясь всякого рода порочным наклонностям и излишествам, долгому сну, беря теплые ванны, ничего решительно не делая, словом, нуждаясь ежедневно в уходе, как больные. Одно это было важно, но еще важнее было то, что богатство, выражаясь словами Теофраста, не было ни на что годно, было не богатством -вследствие учреждения общего стола и простой пищи. Им нельзя было пользоваться, оно не могло доставлять чувства радости, словом, нельзя было ни показать множества своей драгоценной посуды, ни похвастаться ею, раз бедняк шел на один обед с богачом. Вот почему в целом мире в одной Спарте находила себе подтверждение пословица, что "бог богатства слеп и лежит без жизни и движения", как на картине. Точно так же запрещено было являться на сисситии сытыми, пообедав дома. Остальные присутствующие строго наблюдали за тем, кто не пил и не ел вместе с другими, и обзывали неженкой спартанца, которому общий стол казался грубым.

XI. Говорят, этот обычай главным образом и восстановил против Ликурга богатых. Они окружили его толпой и стали громко ругать его. Наконец, многие из них начали кидать на него камнями, вследствие чего ему пришлось бежать с площади. Он опередил своих преследователей и скрылся в храме. Только один молодой человек, Алкандр, не глупый, но горячий и вспыльчивый, гнался за ним, не отставая, и, когда Ликург обернулся, ударил его палкой и вышиб ему глаз. Этот несчастный случай не заставил Ликурга пасть духом, -- он обернулся и показал гражданам свое окровавленное лицо и изуродованный глаз. При виде этого их охватило чувство глубокого стыда и смущения, и они выдали Алкандра Ликургу, которого проводили до самого дома, выражая ему чувства соболезнования. Ликург поблагодарил их и простился с ними, Алкандра же привел к себе домой. Он ему не сделал, не сказал ничего дурного и только заставил его прислуживать вместо тех людей и рабов, которые служили ему обыкновенно. Молодой человек, оказавшийся не лишенным благородного чувства, молча исполнял даваемые ему приказания. Находясь постоянно в обществе Ликурга, он видел, как он кроток, видел, что его душа чужда страстей, видел его строгую жизнь, его горячую любовь к труду -- и всей душой привязался к нему, причем говорил своим знакомым и друзьям, что Ликург нисколько не суров или горд, -- напротив, он единственный в своем роде человек, который так ласков и снисходителен в отношении окружающих. Вот как наказан был Алкандр! Но это наказание сделало его из дурного, дерзкого молодого человека вполне приличным и рассудительным. В память своего несчастия Ликург построил храм Афине-Оптилетиде: спартанские дорийцы называют глаз -- "оптилос". Некоторые, однако, между прочим Диоскорид, автор сочинения о государственном устройстве Спарты, говорит, что действительно Ликург был ранен, но не лишился глаза, напротив, выстроил богине храм в благодарность за исцеление. Как бы то ни было, но после этого печального случая спартанцы перестали ходить на народные собрания с палками.

XII. Сисситии называются на Крите "андриями", у спартанцев --"фидитиями", быть может, потому, что участники их были дружны между собою и любили один другого, -- значит, в данном случае "лямбда" заменена "дельтой" -- или же вследствие того, что фидитии приучали к умеренности и бережливости. В то же время можно предположить, что первый слог этого слова, по мнению некоторых -- приставка и что следовало говорить, собственно, "эдитии", от слова "эздодэ" -- пища.

За стол садилось всякий раз человек пятнадцать, иногда больше, иногда меньше. Каждый из сисситов приносил ежемесячно медимн ячменя, восемь хоев вина, пять мин сыру, две с половиной мины винных ягод и затем немного денег для покупки другой провизии. Кроме того, каждый принесший жертву посыпал в сисситии лучшую ее часть. Охотники посыпали также часть дичи. Кто опаздывал из-за жертвоприношения или охоты, мог обедать дома; но другие должны были

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org
быть налицо. Спартанцы долгое время свято держались обычая обедать вместе. Когда, например, царь Агид, вернувшийся из удачного похода против Аттики, хотел отобедать вместе с женой и послал за своею порцией, полемархи не отпустили ее. На следующий день рассерженный царь не принес назначеннной по закону жертвы и должен был заплатить штраф.

На сисситии часто ходили и дети. Их водили туда как в школу для развития ума. Здесь они слушали разговоры о политике и видели перед собой наставников в лучшем смысле этого слова. Сами они учились шуткам и насмешкам, никогда не оскорбляя. Их приучали и самих переносить шутки, не обижаясь на других. Хладнокровно относиться к шуткам считалось большою честью для спартанца. Кто не желал, чтобы над ним смеялись, должен был попросить другого перестать, и насмешник переставал. Старший из сисситов показывал каждому новому посетителю на дверь и говорил: "За эту дверь не должно выйти ни одно слово!". Каждый желавший сделаться членом сисситии должен был, говорят, подвергнуться следующего рода испытанию. Всякий из сисситов брал в руку шарик из хлеба и молча кидал его, словно камешек при голосовании, в чашку, которую раб нес на голове и обходил присутствующих. Кто подавал голос за избрание, просто бросал шарик, но кто желал сказать "нет", -- предварительно сильно сдавливал его в руке. Раздавленный шарик значил то же, что просверленный камешек при голосовании. Если таких находили хоть один, просившему о своем избрании отказывали в его просьбе, желая, чтобы все члены сисситии нравились друг другу-- Кому отказывали в избрании, называли "каддированным", -- чашу, в которую бросают шарики, зовут "каддиком".

Самым любимым кушаньем сисситов была "черная похлебка", так что старики отказывались от мяса, отдавая свою долю молодым, а сами наливали себе свое кушанье, похлебку. Говорят, один понтийский царь купил даже себе спартанского повара исключительно для приготовления "черной похлебки", но, когда попробовал ее, рассердился. "Царь, -- сказал повар, -- прежде чем есть эту похлебку, нужно выкупаться в Эвроте!". Пили сисситы не много и без огня возвращались домой. Иди по улице с огнем им строго запрещалось, как в этом, так и в других случаях, для того, чтобы они приучились ходить ночью смело, ничего не боясь. Вот каких порядков придерживались спартанцы в своих общих столах.

XIII. Законы Ликурга не были писаными, в чем убеждает нас одна из его "ретр". Все, что, по его мнению, вполне необходимо и важно для счастья и нравственного совершенства граждан, должно войти в самые их нравы и образ жизни, чтобы остаться в них навсегда, сжиться с ними. Добрая воля в его глазах делала этот союз крепче, нежели принуждение, а эту волю образовывало в молодых людях воспитание, которое делало каждого из них законодателем. Что же касается мелочей, например, денежных дел, -- того, что изменяется, смотря по обстоятельствам, -- он и их счел за лучшее не заключать в рамки писаных законов и неизменных правил, но дал право делать в них прибавления или убавления, смотря по обстоятельствам и мнению умных людей. Вообще все заботы его как законодателя были обращены на воспитание.

Одна из его "ретр", как сказано выше, запрещала иметь письменные законы, другая была направлена против роскоши. Крыша в каждом доме могла быть сделана только одним топором, двери -- одной пилою; пользоваться другими инструментами запрещалось. Позже Эпамино-ид, сидя за своим столом, сказал, говорят, что "за таким обедом не придет в голову мысли об измене", -- Ликург первый понял, что в таком доме не может жить ни изнеженный, ни привыкший к роскоши человек. Действительно, ни в ком не может быть так мало вкуса и ума, чтобы он приказал, например, внести в простую хижину кровати с серебряными ножками, пурпуровые ковры, золотые кубки и другие предметы роскоши. Напротив, каждый должен стараться о том, чтобы между его домом и кроватью, затем между кроватью и платьем, платьем и остальной обстановкой и хозяйством было соответствие, чтобы они отвечали одно другому. Этой привычкой и объясняется выражение леотихида Старшего, который, любясь за обедом в Коринфе роскошно отделанным штучным потолком, спросил хозяина, неужели у них растут деревья квадратной формы?

Известна также третья "ретра" Ликурга, где он запрещает вести войну с одними и теми же неприятелями, чтобы, привыкнув оказывать сопротивление, они не сделались воинственными. Позже за то именно всего больше и порицали царя Агесилая, что он своими частыми, неоднократными вторжениями и походами в Беотию сделал фиванцев достойными противниками Спарты. Поэтому, видя его раненым, Анталкид сказал: "Фиванцы прекрасно платят тебе за уроки. Они не хотели и не умели драться, но ты их выучил!" "Ретрами" Ликург назвал свои постановления для того, чтобы убедить всех, что они даны оракулом, являются его ответами.

XIV. Считая воспитание высшую и лучшую задачей для законодателя, он приступил к осуществлению своих планов издалека и прежде всего обратил

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org
внимание на брак и рождение детей. Аристотель ошибается, говоря, что он
желал дать разумное воспитание и женщинам, но отказался от этого,
оказавшись не в состоянии бороться с слишком большою волей, которую забрали
себе женщины, и их властью над мужьями. Последним приходилось вследствие
частых походов, оставлять на их руки весь дом и на этом основании слушаться
их, переходя всякую меру, и даже называть их "госпожами". Но Ликург оказал
должное внимание и женскому полу. Девушки должны были для укрепления тела
бегать, бороться, бросать диск, кидать копья, чтобы их будущие дети были
крепки телом в самом чреве их здоровой матери, чтобы их развитие было
правильно и чтобы сами матери могли разрешаться от бремени удачно и легко
благодаря крепости своего тела. Он запретил им баловать себя, сидеть дома и
вести изнеженный образ жизни. Они, как и мальчики, должны были являться во
время торжественных процессий без платья и плясать и петь на некоторых
праздниках в присутствии и на виду у молодых людей. Они имели право
смеяться над кем угодно, ловко пользуясь его ошибкой, с другой стороны,
прославлять в песнях тех, кто того заслуживал, и возбуждать в молодежи
горячее соревнование и честолюбие. Кого они хвалили за его нравственные
качества, кого прославляли девушки, тот уходил домой в восторге от похвал,
зато насмешки, хотя бы и сказанные в шутливой, не оскорбительной форме,
язвили его так же больно, как строгий выговор, так как на праздниках вместе
с простыми гражданами присутствовали цари и старейшины. В наготе девушек не
было ничего неприличного. Они были по-прежнему стыдливы и далеки от
сблазна, напротив, этим они приучались к простоте, заботам о своем теле.
Кроме того, женщине внушался благородный образ мыслей, сознание, что и она
может приобщиться к доблести и почету. Вот почему они могли говорить и
думать так, как то рассказывают о жене Леонида, Горго. Одна женщина,
вероятно, иностранка, сказала ей: "Одни вы, спартанки, делаете, что хотите,
со своими мужьями". "Но ведь одни мы и рожаем мужей", -- отвечала царица.

XV. Уже все то, о чем мы говорили до сих пор, служило побудительной
причиной к браку, -- я имею в виду торжественные шествия девушек, их
наготу, их упражнения в борьбе перед глазами молодых людей, которые шли
сюда не с "геометрическими", а с "любовными" целями, выражаясь языком
Платона, но холостяки подвергались, кроме того, некоторого рода позору. Они
не имели права присутствовать при празднике гимнопедий. Зимой они по
приказу властей обходили голыми городской рынок и, обходя его, пели
сочиненную на счет их песню, где говорилось, что они наказаны совершенно
справедливо за свое неповинование законам. Наконец, им не оказывали
уважения и услуг, которые молодые люди оказывали старшим. Вот почему никто
не отнесся с порицанием к тем словам, которые были сказаны Деркеллиду, хотя
он был знаменитым полководцем. Один молодой человек, не встав при его
 входе, сказал: "У тебя нет сына, который мог бы впоследствии встать передо
мною!.."

Невест похищали, но не таких, которые были еще малы или слишком молоды для
брачной жизни, а вполне зрелых и развившихся. Похищенная отдавалась на руки
подруги невесты.

Внесши в отношения супругов скромность и порядок, Ликург изгнал такими же
решительными мерами и глупую женскую ревность.

Обычаи, находившиеся в полном соответствии требований природы с
требованиями государственной жизни, имели тогда так мало общего с тою
легкостью, которую мы встречаем позже в поведении спартанцев, что случаи
прелюбодеяния никогда не встречались у них. Известен ответ спартанца
Герада, имевший место очень давно. Иностранец спросил его, как они
наказывают за прелюбодеяние.

-- Друг мой, -- отвечал спартанец, -- прелюбодеяние неизвестно у нас.
-- Ну а если кто-нибудь окажется виновным в нем? -- продолжал спрашивать
тот.

-- Он должен дать в виде штрафа огромного быка, который мог бы протянуть
шею с вершины Тайгета, чтобы напиться воды в Эвроте, -- отвечал Герад.

-- Да разве бывают такие огромные быки? -- спросил удивленный иностранец.
-- А разве можно найти в Спарте прелюбодея? -- со смехом отвечал ему
Герад.

Вот что известно о спартанских браках.

XVI. Воспитание ребенка не зависело от воли отца, -- он приносил его в
"лесху", место, где сидели старшие члены филы, которые осматривали ребенка.
Если он оказывался крепким и здоровым, его отдавали кормить отцу, выделив
ему при этом один из девяти земельных участков, но слабых и уродливых детей
кидали в "апотеты", пропасть возле Тайгета. В их глазах жизнь
новорожденного была так же бесполезна ему самому, как и государству, если
он был слаб, хил телом при самом рождении, вследствие чего женщины для
испытания здоровья новорожденного мыли его не в воде, а в вине, -- говорят,
эпилептики и вообще болезненные дети от крепкого вина погибают, здоровые же

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org становятся от него еще более крепкими и сильными. Кормилицы ходили за ними очень внимательно и прекрасно знали свое дело. Они не пеленали детей, давали полную свободу их членам и всему вообще телу, приучали их не есть много, не быть разборчивыми в пище, не бояться в темноте или не пугаться, оставшись одни, не капризничать и не плакать. На этом основании даже иностранцы выписывали для своих детей спартанских кормилиц. Говорят, кормилица афинянина Алкивиада была спартанка Амикла. Впоследствии Перикл, по словам Платона, дал ему в воспитатели раба Зопира, который ни в чем не отличался от других рабов, тогда как воспитание спартанских детей Ликург не поручал ни купленным, ни нанятым за деньги воспитателям. Точно так же он не позволял отцам давать сыну такое воспитание, какое они считали нужным. Все дети, которым только исполнилось семь лет, собирались вместе и делились на отряды, "агелы". Они жили и ели вместе и приучались играть и проводить время друг с другом. Начальником "агелы" становился тот, кто оказывался понятливее других и более смелым в гимнастических упражнениях. Остальным следовало брать с него пример, исполнять его приказания и беспрекословно подвергаться от него наказанию, так что школа эта была школой послушания. Старики смотрели за играми детей и нередко нарочно доводили до драки, ссорили их, причем прекрасно узнавали характер каждого -- храбр ли он и не побежит ли с поля битвы. Чтению и письму они учились, но по необходимости, остальное же их воспитание преследовало одну цель: беспрекословное послушание, выносливость и науку побеждать. С летами их воспитание становилось суровее: им наголо стригли волосы, приучали ходить босыми и играть вместе, обыкновенно без одежды. На тринадцатом году они снимали с себя хитон и получали на год по одному плащу. Их кожа была загорелой и грубой. Они не брали теплых ванн и никогда не умывались; только несколько дней в году позволялась им эта роскошь. Спали они вместе по "илам", отделениям и "агелам" на постелях, сделанных из тростника, который собирали на берегах Эврота, причем рвали его руками, без помощи ножа. Зимою клалась под низ подстилка из "ежовой ноги". Это растение примешивалось и в постели, так как считалось согревающим.

XVII. В этом возрасте начинают являться у наиболее достойных юношей так называемые "поклонники". Старики обращали на них больше внимания, чаще ходили в их школы для гимнастических упражнений, смотрели, если они дрались или смеялись один над другим, причем делали это не мимоходом, -- все они считали себя отцами, учителями и наставниками молодых людей, так что провинившийся молодой человек не мог нигде ни на минуту укрыться от выговора или наказания. Кроме того, к ним приставлялся еще другой воспитатель, "педоном", из числа лучших, достойнейших граждан, сами же они выбирали из каждой агели всегда самого умного и смелого в так называемые "ирены". "Иренами" назывались те, кто уже более года вышел из детского возраста. "Меллиренами", т. е. будущими "иренами", называли самых старших из мальчиков. Двадцатилетний ирен начальствовал своими подчиненными в примерных сражениях и распоряжался приготовлениями к обеду. Взрослым они приказывали сбирать дрова, маленьkim -- овощи. Все, что они ни приносили, было ворованным. Одни отправлялись для этого в сады, другие прокрадывались в сисситии, стараясь выказать вполне свою хитрость и осторожность. Попадавшегося без пощады били плетью как плохого, неловкого вора. Если представлялся случай, они крали и кушанья, причем учились нападать на спавших и на плохих сторожей. Кого ловили в воровстве, того били и заставляли голодать: пища спартанцев была очень скучная, для того чтобы заставить их собственными силами бороться с лишениями и сделать из них людей смелых и хитрых. Из-за этого им главным образом и давали мало есть. Но, кроме того, им желали дать высокий рост: когда жизненный дух не находится долго на одном месте и в бездействии, большое количество пищи давит его и заставляет уходить в глубину и ширину; если же, наоборот, он благодаря своей легкости может уйти наверх, тело растет свободно, без принуждения. Этим можно, кажется, объяснить и красоту: тело тонкое и худощавое скорее уступает росту, между тем как толстое, упитанное оказывает ему сопротивление своею тяжестью. Потому-то, без сомнения, дети, родившиеся от матерей, принимавших во время беременности слабительное, бывают худощавы, но красивы и стройны. Жизненная материя может в данном случае по своей легкости быть скорей побеждена творящей силой. Исследовать это явление ближе я предоставляю другим.

XVIII. Дети старались как можно тщательнее скрыть свое воровство. Так, один из них, рассказывают, украл лисенка и спрятал его у себя под плащом. Зверь распорол ему когтями и зубами живот; но, не желая выдать себя, мальчик крепился, пока не умер на месте. Судя по нынешним молодым спартанцам, в этом нет ничего невероятного: на моих глазах многие из них умирали во время бичевания на алтаре Артемиды-Ортии.

После обеда ирен, не выходя из-за стола, приказывал одному из детей петь,

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org другому задавал какой-нибудь вопрос, на который ответить можно было не сразу, например: какой человек самый лучший? Или: что следует думать о том или другом поступке? Таким образом, их с малых лет приучали отличать хорошее от дурного и судить о поведении граждан, потому что тот, кто терялся при вопросах "Кто хороший гражданин?" или "Кто не заслуживает уважения?", считался умственно неразвитым и неспособным совершенствоваться нравственно. В ответе должна была заключаться и причина, и доказательство, но в краткой, сжатой форме. У отвечающего невнимательно ирен кусал в наказание большой палец. Ирен часто наказывал детей в присутствии старииков и властей, чтобы они могли видеть, за дело ли и правильно ли он наказывает их. Во время наказания ему не мешали; но, когда дети расходились, с него взыскивали, если он наказал строже, чем следовало, или если, напротив, поступил чересчур мягко и снисходительно.

"Поклонники" делили с их любимицами и честь, и стыд. Когда один мальчик закричал во время борьбы от страха, начальники наложили штраф на его "поклонника".

XIX. Детей приучали, кроме того, выражаться колко, но в изящной форме и в немногих словах -- многое. Ликург, как сказано выше, дал железной монете при ее огромном весе незначительную ценность; совершенно иначе поступил он с "монетой слов", -- он хотел, чтобы немного простых слов заключали в себе много глубокого смысла. Заставляя детей подолгу молчать, он приучал их давать меткие, глубокомысленные ответы; не знающая меры болтливость делает разговор пустым и глупым. Когда один афинянин стал смеяться над короткими спартанскими мечами и говорил, что фокусники легко проглатывают их на представлениях в театре, царь Агид сказал: "Это, однако, не мешает нам нашими короткими мечами доставать неприятелей". Мне кажется, и спартанская речь, несмотря на свою краткость, прекрасно достигает своей цели, если она производит глубокое впечатление на слушателей.

Лично Ликург, без сомнения, выражался кратко отрывочно, судя по некоторым сохранившимся его фразам. Сюда, например, принадлежит его известное выражение относительно одной из форм правления. Когда кто-то стал требовать, чтобы он ввел в государстве демократию, он сказал: "Введи сперва демократию у себя в доме". На другой вопрос, зачем он приказал приносить такие маленькие и бедные жертвы, он отвечал: "Затем, чтобы мы никогда не переставали чтить богов". Относительно состязаний в борьбе он заметил, что позволил лишь такие состязания, где его сограждане не должны поднимать рук. Рассказывают и о письменных его ответах подобного рода, данных им согражданам. Они спросили его: "Как можем мы не испытывать вторжений неприятелей?" Он отвечал: "Оставайтесь бедными и не желайте быть ни в чем больше соседа". В другой раз он

выразился о стенах города таким образом: "Если город окружен людьми, не кирпичами, у него есть стены!" Нелегко отвергнуть подлинность этих и других его письменных ответов подобного характера, но нелегко и признать их подлинными.

XХ. Что спартанцы ненавидели длинные речи, видно из их афоризмов. Когда, например, кто-то говорил довольно умно, но некстати, царь Леонид сказал ему: "Друг мой, ты говоришь дело, но не по делу". У племянника Ликурга, Харилая, спросили, отчего он издал так мало законов. "Оттого, -- отвечал он, -- что кто мало говорит, тому не нужно много законов". Когда некоторые порицали философа Гекатея за то, что он за званым столом не сказал ни слова, Архидам заметил: "Кто умеет говорить, умеет и выбирать для этого время". Для доказательства того, что те колкости, о которых я говорил выше, имели в себе нечто изящное, приведу несколько примеров. Один негодяй надеялся демаррату своими глупыми вопросами. Он то и дело спрашивал у него, кто лучше всех из спартанцев, и получил в ответ: "Кто всего менее похож на тебя". Некоторые восторгались беспристрастностью, справедливостью приговоров элидцев во время Олимпийских игр. "Что ж удивительного, если элидцы один день в четыре года умеют быть справедливыми", -- сказал Агид. Один чужеземец, желая доказать Теопомпу свое расположение, сказал, что его сограждане зовут не иначе как "другом спартанцев", и получил в ответ: "Лучше было бы для тебя, мой милый, если бы тебя звали другом своих сограждан". Один афинский ритор назвал спартанцев "неучами". -- "Совершенно верно, -- отвечал ему сын Павсания, Плистоанакт, -- одни только мы из греков не научились от вас ничему дурному". У Архидама спросили, сколько всего спартанцев. Он ответил: "Достаточно, друг мой, чтобы прогнать трусов". Из самих острот спартанцев можно составить себе представление о тех правилах, которых они держались. Они приучались никогда не раскрывать рта без нужды и говорили только то, что заключало в себе мысль, заслуживающую внимания. Одного спартанца приглашали идти послушать человека, подражавшего соловьиному пению. "Я слышал самого соловья", -- отвечал он. Другой, прочитав следующую эпиграфу:

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org
те, кто пожар тирании тушить попытались, погибли;
Медный Арес их настиг у селинунтских ворот, -
сказал: "За дело они и погибли -- им следовало дать тирании сгореть
дотла". Одному молодому спартанцу обещали подарить петухов, которые
дрались, пока не умирали на месте. "Нет, -- сказал он, -- ты дай мне таких,
которые убивают других в бою". Таковы были их краткие, отрывочные ответы, и
верно выразился тот, кто сказал, что быть спартанцем -- значит заниматься
скорей философией, нежели гимнастикой.

XII. На хоровое пение обращалось столько же внимания, как и на точность и
ясность речи. В самих спартанских песнях было что-то воспламенявшее
мужество, возбуждавшее порыв к действию и призывающее на подвиги. Слова их
были просты, безыскусственные, но содержание серьезно и поучительно. То были
большею частью хвалебные песни, прославлявшие павших за Спарту или
порицавшие трусов, которые живут теперь "жалкими, несчастными". Некоторые
из них призывали к смелым деяниям, другие хвалились прошлыми -- смотря по
возрасту детей. Нахожу не лишним привести для примера одну из таких песен.
В праздник были три хора разных возрастов. Хор стариков начинал и пел:

Когда-то были мы могучи и сильны.

Им отвечал хор мужчин средних лет:

А мы сильны теперь -- коль хочешь, испытай!

Третий хор, детский, пел:

Но скоро станем мы еще сильнее вас.

Вообще, если заняться внимательней спартанскими песнями, из которых
некоторые сохранились еще до сих пор, затем вспомнить, что спартанцы шли на
неприятеля под звуки флейт, мерным шагом, нельзя не согласиться с
Терпандром и Пиндаром, которые видят тесную связь между храбростью
спартанцев и музыкой в их войсках. Первый говорит о Спарте:

Юность здесь пышно цветет, царит здесь звонкая Муза,
правда повсюду живет...

второй:

Там старейшин советы;

Копья юных мужей в славный вступают бой,

Там хороводы ведут Муза и Красота

Оба они рисуют нам спартанцев столько же воинственным, сколько любившим
музыку народом. Спартанский поэт говорит:

Кифары звук мечу не станут уступать.

Точно так же перед сражением царь приносил жертву музам, для того,
вероятно, чтобы воины вспомнили, чему их учили, и о том, какой приговор
ждет их со стороны составителей песен, чтобы они ни на минуту не забывали
об этом, встретясь лицом к лицу с опасностью, и показали в битве подвиги,
достойные прославления.

XII. В это время воспитание молодых людей становилось уже не таким
строгим -- им позволяли ходить за своими волосами, украшать оружие и
платье. Радовались, когда они, как кони, горделиво выступали и рвались в
битву. За волосами они начинали ходить тотчас же по вступлении их в
юношеский возраст, но в особенности убирали они их в минуту опасности. Они
мазали их маслом и заботливо расчесывали, помня выражение Ликурга, что
"волосы красивых делают красивее, безобразных -- еще безобразнее". В
походах гимнастические упражнения молодежи были не так трудны, да и жизнь
ее в остальном была не так строга: с них спрашивали меньше отчету, поэтому
они были единственным народом, для которого поход мог считаться отдыхом
после военных упражнений.

Когда войско выстраивалось в боевом порядке в виду неприятеля, царь
приносил в жертву козу и приказывал всем солдатам надевать венки,
флейтистам же -- играть "песнь в честь Костра". Сам он начинал военную
песнь, под которую шли спартанцы. Величественное и в то же время грозное
зрелице представляла эта линия людей, шедших в такт под звуки флейт. Их
ряды были сомкнуты; ничье сердце не билось от страха; они шли навстречу
опасности под звуки песен, спокойно и весело. Ни страх, ни чрезмерная
горячность не могли, конечно, иметь места при таком настроении; они были
спокойны, но вместе с тем воодушевлены надеждой и мужеством, веря в помощь
божества. Царь шел на неприятеля в окружении воинов -- победителей на
играх.

Говорят, одному спартанцу предлагали на Олимпийских играх большую сумму с
условием, чтобы он уступил честь победы. Он не принял ее и после трудной
борьбы повалил своего соперника. "Что пользы тебе, спартанец, в твоей
победе?" -- спросили его. "В сражении я пойду с царем впереди войска",
-отвечал он, улыбаясь.

Одержав победу и обратив неприятеля в бегство, спартанцы преследовали его
только на таком расстоянии, чтобы укрепить за собой победу бегством
неприятелей, и затем немедленно возвращались. По их мнению, было низко,

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org недостойно грека -- рубить и убивать разбитых и отступающих. Их обычай был не только благороден и великодушен, но и полезен, так как их враги, зная, что они убивают только сопротивляющихся и щадят сдающихся, считали выгоднее бежать, нежели оказывать сопротивление.

XIII. Софист Гиппий рассказывает, что сам Ликург был очень воинствен и принимал участие во многих походах. Филостефан приписывает даже Ликургу деление конницы на "уламы". Согласно его делению, "улам" состоял из пятидесяти всадников, подстроенных четырехугольником. Напротив, Деметрий Фалерский думает, что Ликург не вел никаких войн и вводил свои преобразования во время мира. Действительно, мысль установить перемирие на все время Олимпийских игр может прийти на ум человеку только мягкому и миролюбивому. Тем не менее, говорят, по словам Гермиппа, Ликург сначала не сближался с Ифитом, не принимал участия в его планах. Но, когда однажды он приехал случайно в Олимпию и вздумал взглянуть на игры, он услышал за спиной чей-то голос, как будто человеческий, голос, который упрекал его, удивляясь, что он не позволяет своим согражданам принимать участие в празднестве. Он обернулся, но не увидел говорящего. Тогда он счел это знаком свыше и немедленно сошелся с Ифитом. Общими силами они придали празднству более торжественный характер и сделали более прочным его существование.

XIV. Воспитание продолжалось до зрелого возраста. Никто не имел права жить так, как он хотел, напротив, город походил на лагерь, где был установлен строго определенный образ жизни и занятия, которые имели в виду лишь благо всех. Вообще спартанцы считали себя принадлежащими не себе лично, но отечеству.

Если им не давалось других приказаний, они смотрели за детьми, учили их чему-либо полезному, или же сами учились от стариков. Одно из предоставленных Ликургом своим согражданам преимуществ, которым можно было завидовать, состояло в том, что у них было много свободного времени, - заниматься ремеслами им было строго запрещено, копить же богатство, что сопряжено с массой труда и забот, им не было никакой надобности: богатству уже никто не завидовал и не обращал на него внимания. Землю обрабатывали им илоты, платившие определенный оброк. Один спартанец приехал в Афины как раз во время суда. Узнав, что кого-то осудили за праздность, и заметив, что он идет повеся голову в сопровождении печальных, грустных друзей, спартанец попросил окружающих показать ему человека, осужденного "за любовь к свободе!". Так глубоко презирали спартанцы занятия ремеслом или имевшие целью наживу.

Вместе с деньгами исчезли в Спарте, конечно, и всякие тяжбы. Ни корысти, ни бедности там не стало больше места, вместо них явилось равное распределение достатка, простота же жизни имела своим следствием беззаботность. Танцы, пиры, обеды, охота, гимнастика, разговоры в народных собраниях поглощали все их время, когда они не были в походе.

XV. Кому не было еще тридцати лет, те вовсе не ходили на рынок. Вместо них провизию закупали их родственники и ближайшие друзья. С другой стороны, и старшим было бы стыдно, если бы они занимались исключительно этим делом, - большую часть дня им следовало проводить в гимнасиях и "лесах". Здесь они собирались для мирной беседы друг с другом. Ни о денежных, ни о торговых делах там никогда не шло речи, -- главным предметом их разговора была похвала хорошему поступку и порицание -- дурному; но и это было облечено в шутливую, веселую форму и, не оскорбляя никого, служило к исправлению других и наставляло их. И сам Ликург не был воплощеною суворостью, напротив, если верить Сосибию, он посвятил известную статuetку богу Смеха -- он желал, чтобы во время обеда и подобного рода времяпрепровождения допускались шутки, как приправа к трудам и скучной пище. Вообще он приучал сограждан не желать и не уметь жить отдельно от других, напротив, они должны были, как пчелы, жить всегда вместе, сбираясь вокруг своего главы и вполне принадлежать отечеству, совершенно забывая о себе в минуты восторга и любви к славе. Такие мысли видны и в некоторых изречениях спартанцев.

Педарит не был избран в число трехсот человек царского конвоя, но пошел домой с сияющим лицом -- он радовался, что "нашлось триста граждан лучше его...". Полистратид был отправлен вместе с другими в звании посла к полководцам царя персидского. Когда его товарищей спросили, явились ли они лично от себя или их прислало государство, он ответил: "Если наше поручение будет удачно -- от имени государства, нет -- по частному делу". Когда несколько участвовавших в сражении амфипольцев приехали в Спарту и посетили Ар-Гилеониду, мать Брасида, она спросила их, пал ли Бра-сид смертью храбрых, достойною Спарты? Они стали осыпать героя похвалами и сказали, что в Спарте нет ему подобного. "друзья мои, -- сказала она, -- не говорите этого: Брасид был мужествен, храбр; но в Спарте есть много людей лучше его..."

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org
XXVI. Членами герусии Ликург, как мы сказали выше, назначил сперва тех, кто принимал участие в его предприятии. Позже он сделал распоряжение, чтобы в случае смерти одного из них на его место избирался какой-либо из уважаемых граждан более шестидесяти лет от роду. В этом случае начиналось величайшее состязание в мире, состязание, где каждый бился до последних сил. Дело шло не о том, чтобы быть объявленным самым быстрым на бегу из быстрых, самым сильным из сильных, а лучшим и умнейшим между лучшими и умнейшими людьми. За свое нравственное превосходство победитель получал пожизненно в награду высшую, если можно выразиться, власть в государстве, делался господином над жизнью и смертью, честью и бесчестьем, короче, надо всем, что стояло на первом плане. Выборы происходили следующим образом. Когда народ успевал собраться, выборные запирались в одной комнате соседнего дома, где не могли никого видеть, так же, как никому нельзя было видеть их. До них могли доноситься только крики собравшегося народа: как в этом случае, так и в других он решал избрание криком. Избираемые выходили не все сразу, но поодиночке, по жребию и шли молча через все собрание. У тех, кто сидел запершись в комнате, были в руках дощечки для письма, на которых они отмечали только силу крика, не зная, к кому он относится. Они должны были записать лишь, как сильно кричали тому, кого выводили первым, вторым, третьим и т. д. Того, кому кричали чаще и сильнее, объявляли избранным. С венком на голове он шел в храм в толпе не только не завидовавшей ему и прославлявшей его молодежи, но и среди множества женщин, которые хвалили его в песнях и называли жизнь его счастливой. Каждый из родственников приглашал его к обеду, говоря, что это -- почетное угождение ему от имени города.

Затем он шел в сисситии, где ничто не нарушало своего обычного порядка. Единственное отступление состояло в том, что ему выдавалась вторая доля, которую он брал и прятал. Когда обед кончался, он подзывал к себе любимую свою родственницу, стоявшую у дверей столовой, и отдавал ей свою порцию, говоря при этом, что дает ей то, что сам получил в награду, причем женщину, которой было оказано такого рода отличие, друзья провожали домой.

ХVII. Прекрасными во всех отношениях были и законы Ликурга относительно погребения покойников. Чтобы с корнем уничтожить суеверие, он прежде всего не запрещал хоронить умерших в черте города и ставить им памятники вблизи храмов, -- он желал, чтобы молодежь с малых лет имела у себя перед глазами подобного рода картины, привыкала к ним; чтобы она не боялась смерти, не находила в ней ничего страшного, не считала бы себя оскверненною, прикоснувшись к трупу или перешагнув через могилу; во-вторых, приказал ничего не класть в могилу вместе с покойником. Его обивали в красный плащ и клади на листья маслины. Не было затем позволено надписывать на могиле имя усопшего, если только он не был павшим в битве воином или если умершая не была жрицей. Траур продолжался всего одиннадцать дней. На двенадцатый день следовало принести жертву Деметре и перестать плакать. У Ликурга ничто не было бесцельным, ничего не делалось без нужды -- все его важнейшие распоряжения имели целью хвалить доброе и порицать дурное. Он наполнил город множеством образцов для подражания. С ними постоянно приходилось сталкиваться, вместе с ними росли, вследствие чего для каждого они служили путем и примером к достижению добродетели.

На этом основании Ликург не позволил уезжать из дома и путешествовать без определенной цели, перенимая чужие нравы и подражая образу жизни, лишенному порядка, и государственному устройству, не имеющему стройной системы. Мало того, он даже выселял иностранцев, если они приезжали в Спарту без всякой цели или жили в ней тайно, но не потому, как думает Фукидид, что боялся, как бы они не ввели у себя дома его государственного устройства или не научились чему-либо полезному, ведущему к нравственному совершенству, а просто потому, чтобы не сделались учителями порока. С новыми лицами входят, естественно, и новые речи, с новыми речами являются новые понятия, вследствие чего на сцену выступает, конечно, множество желаний и стремлений, не имеющих ничего общего с установившимся порядком правления. Поэтому Ликург считал нужным строже беречь родной город от внесения в него дурных нравов, нежели от занесения в него заразы извне.

ХVIII. Во всем, о чем мы до сих пор говорили, мы не видим ни одного следа несправедливости или себялюбия, -- того, за что некоторые порицают законы Ликурга, находя, что они способны воспитать людей храбрых, но несправедливых. Одна только "криптия" -- если она действительно учреждена Ликургом, как говорит Аристотель, -- могла дать повод, между прочим, Платону отозваться дурно как о государственном устройстве Ликурга, так и о его личности. Криптия состояла в следующем. Время от времени спартанское правительство посыпало нескольких молодых людей, вышавшихся своими умственными способностями, за город без всякой цели. С ними не было ничего, кроме короткого меча и необходимых съестных припасов. Днем они скрывались,

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org рассеявшись по тайным местам, и спали, ночью -- выходили на дорогу и убивали попадавшихся им в руки илотов. Часто они бегали по полям и умерщвляли самых сильных и здоровых из них,

Фукидид, например, в своей "Истории Пелопоннесской войны" рассказывает, что спартанцы выбрали самых храбрых из илотов, надели им на голову венки, как бы желая отпустить их на волю, и стали водить из храма в храм. Вскоре все они, более двух тысяч, исчезли бесследно. Никто ни тогда, ни после не мог рассказать подробностей их смерти. Аристотель говорит даже, что и эфоры при вступлении своем в должность объявляют илотам войну, чтобы иметь возможность убивать их, не делаясь преступниками. Спартанцы обращались с ними всегда сурово и жестоко. Между прочим, они заставляли их напиваться допьяна чистым вином и затем приводили к сисситам, чтобы показать молодежи, до чего может довести пьянство. Далее им приказывали петь неприличные песни и исполнять непристойные, безнравственные танцы, запрещая в то же время приличные. Вот почему, когда илотам, взятым в плен, спустя много лет, во время похода на Спарту фиванцев, приказали, говорят, петь песни Терпандра, Алкмана и спартанца Спендонта, они просили освободить их от этого, "так как этого не велят им их господа". Тот, кто говорит, что в Спарте свободные пользуются высшей мерой свободы, а рабы -- рабы в полном смысле этого слова, хорошо понимает разницу между ними. Но, мне кажется, такими бесчеловечными спартанцы сделались после, тогда в особенности, когда у них произошло страшное землетрясение, во время которого илоты восстали, говорят, вместе с мессенцами, вконец разорили страну и довели государство до края гибели. Я по крайней мере не решаюсь приписать установление такого ужасного обычая, как криптия, Ликургу, принимая во внимание мягкость его характера и его справедливость во всем -- качества, засвидетельствованные самим оракулом.

XIX. Когда важнейшие из его законов успели войти в жизнь его сограждан, когда государство сделалось достаточно крепким и сильным, чтобы нести себя и самому стоять на ногах, Ликург, подобно богу, который, по словам Платона, обрадовался при виде первых движений созданного им мира, был восхищен, очарован красотой и величием созданных им законов, законов, ставших действительностью, вошедших в жизнь, и захотел, насколько может ум человека, сделать их бессмертными, незыблемыми в будущем. Итак, он созвал всех граждан на Народное собрание и сказал, что данное им государственное устройство во всех отношениях приведено в порядок и может служить к счастью и славе их города, но что самое важное, самое главное он может открыть им тогда, когда вопросит оракул. Они должны были хранить данные им законы, ничего не изменяя, строго держать их до его возвращения из Дельф. После своего приезда он обещал устроить все согласно воле оракула. Все согласились и просили его ехать. Тогда, взяv клятву с царей и старейшин, затем со всех граждан в том, что

они будут твердо держаться существующего правления, пока он не вернется из Дельф, Ликург уехал в Дельфы. Войдя в храм и принесши богу жертву, он вопросил его, хороши ли его законы и в достаточной ли мере служат к счастью и нравственному совершенствованию его сограждан. Оракул отвечал, что его законы прекрасны и что с его стороны государство его будет находиться на верху славы, пока останется верным данному им государственному устройству. Он записал этот оракул и послал его в Спарту, сам же принес богу вторичную жертву, простился со своими друзьями и сыном и решил добровольно умереть, чтобы не освобождать своих сограждан от данной ими клятвы. Он был в таких годах, когда можно еще жить, но так же хорошо и умереть тем, кто не прочь от этого, в особенности ему, чьи все желания были исполнены. Он уморил себя голодом в том убеждении, что и смерть общественного деятеля должна быть полезна государству и что самый конец его жизни должен быть не случайностью, а своего рода нравственным подвигом, что он совершил прекраснейшее дело, что кончина его будет достойным завершением его счастья и что смерть его будет стражем всего того высокого и прекрасного, которое он приобрел для сограждан своей жизнью, так как они поклялись держаться установленного им правления вплоть до его возвращения. Он не обманулся в своих надеждах. В продолжение пяти веков, пока Спарта оставалась верна законам Ликурга, она по своему строю и славе была первым государством в Греции. Из четырнадцати царей, от Ликурга до Агипа, сына Архидама, ни один не сделал в них никаких перемен. Учреждение должности эфоров не только не ослабило государства, а, напротив, послужило к его усилению. Казалось, эфорат был учрежден в интересах народа, на самом же деле он послужил к усилению влияния аристократии.

XXX. В царствование Агипа проникли в Спарту в первый раз деньги, вместе же с деньгами вернулись в государство корыстолюбие и жажда богатства. Виной тому был Лисандр, который, не любя денег лично, сделал своих сограждан корыстолюбивыми и познакомил с роскошью. Он привез домой золото и серебро и

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org нанес смертельный удар законам Ликурга. Но пока они оставались по-прежнему в силе, можно было сказать, что Спарта жила жизнью не государства, а жизнью опытного и мудрого мужа или, верней, с одной скиталой и плащом предписывала законы охотно подчинившейся ей Греции, как Геракл, по представлению поэтов, с львиною шкурой и дубиной обходил весь мир. Как он наказывал беззаконных и кровожадных тиранов, так и она низвергала в государствах неправильно поставленные власти и царей, была посредницей в войнах, усмиряла возмущения и в большинстве случаев не выставляя в поле ни одного солдата, а отправляя лишь посла, приказания которого все слушались немедленно, как слетаются и приводят все в порядок пчелы при появлении матки. Вот как полезно было государству его тогдашнее благоустройство и правила справедливости, которых оно держалось. Странным кажется мне после этого, что некоторые говорят, будто спартанцы умели повиноваться, но не повелевать, как, с другой стороны, я не понимаю, почему превозносят слова царя Теопомпа, который на чье-то замечание, что "Спарта держится потому, что ее цари умеют управлять", ответил: "Вернее, потому, что ее граждане умеют повиноваться".

Мне кажется, никто не станет охотно подчиняться тому, кто не умеет повелевать, подчинению же учатся у царей, так как кто умеет вести, за тем и идут охотно. Укротить лошадь -- значит сделать эту лошадь смиренной и послушной, точно так же задача царя -- заставить его подданных повиноваться, спартанцы же сумели не только заставить другие народы повиноваться им, но и внушить им желание подчиняться именно спартанцам, предоставить себя в их распоряжение. Их послы просили у них не флота, не денег, не солдат, а только вождя-спартанца и, получив его, смотрели на него с уважением и страхом, как сицилийцы -- на Гилиппа, халкидцы -- на Брасида, все малоазиатские греки -- на Лисандра, Калликратида и Агесилая. Таких лиц называли "гармоста-ми", т. е. вводящими порядок, и "софонистами", т. е. наставниками всех народов и царей, и видели в Спарте в целом как бы воспитательницу или дающую советы честной жизни и разумного государственного правления. В этом смысле, мне кажется, смеется Стратоник в своем шутовском проекте государственного устройства, советующий афинянамправлять мистерии и устраивать торжественные процесии, элидцам быть судьями на играх, к чему у них есть особенные способности, спартанцам же -- пороть обоих, если они в чем-либо провинятся. Это было сказано в шутку; но ученик Сократа, Эсхин, видя, как хващаются фиванцы своей победой при Левктрах, серьезно заметил, что они ничуть не отличаются от мальчишек, которые задирают нос, что им удалось отколотить своего дядьку...

XXXI. И все же Ликург не стремился главным образом к тому, чтобы поставить свое государство во главе других, напротив, он думал, что жизнь отдельного человека, как и жизнь государства, может быть счастлива только тогда, когда он чист нравственно и в мире с самим собою. Поэтому все его действия и поступки клонились к одной цели -- чтобы его сограждане были как можно более свободны нравственно, довольны собою и благоразумны.

Его государственное устройство взял за основание и написавший свод законов для своего собственного государства Платон, так же, как Диоген, Зенон и вообще все занимавшиеся подобного рода вопросами и заслужившие себе похвалу, хотя они оставили после себя одни буквы и слова. Но Ликург не нуждался ни в буквах, ни в словах, -- он произвел на свет действительное и неподражаемое государственное устройство и в то время, как другие считают существование истинного философа чем-то идеальным, сделал из своих сограждан целый город философов. Его слава справедливо превышает славу всех когда-либо существовавших греческих законодателей, вследствие чего и Аристотель заметил, что "Ликурга в Спарте читят меньше, чем он заслужил", хотя ему и оказывают здесь величайшие почести. Ему построили храм и ежегодно приносили жертву как богу. Говорят, когда его прах был привезен на родину, молния упала на его гроб, чего не случалось впоследствии ни с кем из великих людей, кроме Еврипида, скончавшегося и погребенного близ Аретузы, в Македонии. Это может оправдывать в глазах других -- поклонников Еврипида и служить для них доказательством, что одному ему выпало на долю то, что задолго до него случилось с самым любимым богами и святым по жизни человеком...

По рассказам некоторых, Ликург скончался в Кирре; но Аполлотемид говорит, что он умер в Элиде, Тимей и Аристоксен -- что он кончил дни свои на Крите. Арис-токсен рассказывает также, что критяне показывают его гробницу в пергамском округе, возле большой дороги. Говорят, у него был единственный сын, Антиор. Он не имел детей, и со смертью его угас его род. Друзья и близкие Ликурга заменили ему некоторым образом потомство, образовав кружок, существовавший долгое время. дни, в которые он собирался, назывались "Ликурговыми днями". По словам Аристократа, сына Гиппарха, когда Ликург умер на Крите, его друзья сожгли его труп и, по его завещанию, бросили пепел в море: он боялся, что его останки перенесут в Спарту, вследствие

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org
чего спартанцы считут себя свободными от клятвы и сделают перемены в данном
им государственном устройстве под предлогом того, что он вернулся на
родину...

Вот все, что нам известно о Ликурге.

НУМА ПОМПИЛИЙ

I. Относительно времени жизни царя Нуны существуют самые разноречивые показания, хотя есть весьма точные родословные его потомков. Какой-то Клодий в своих "Хронологических изысканиях" так, если не ошибаюсь, называется его книга -- уверяет, что древние документы погибли во время несчастной войны с галлами, те же, которые существуют в настоящее время, не заслуживают доверия, так как их авторы желали польстить некоторым лицам, которые хотели попасть в число членов древнейших и самых аристократических фамилий, не имея на это права. Одни считают Нуна учеником Пифагора, другие, напротив, говорят, что Нуна вовсе

не получил греческого воспитания. Следовательно, он или был в достаточной степени одарен от природы, чтобы без посторонней помощи совершенствоваться нравственно, или же воспитателем царя был какой-нибудь иностранец, оставлявший по своему умственному развитию позади себя даже Пифагора. Одни уверяют, что Пифагор жил около полутораста лет после Нуны и что с Нуной был знаком и помогал ему в устройстве государственного управления путешествовавший по Италии спартанец Пифагор, победитель на Олимпийских играх в шестнадцатую олимпиаду, в третий год которой Нуна принял царство, и что по совету этого Пифагора в государственном строе Рима сделано много заимствований из политического устройства Спарты. Кроме того, по происхождению Нуна был сабинцем, сабинцы же считают себя спартанскими колонистами. Трудно установить точное время его жизни, тем более если держаться в данном случае списка олимпийских победителей, который был издан, говорят, вследствии элидцем Гип-пием, но не может быть вполне принят на веру. Мы опишем в жизни Нуны все, что знаем за достойное рассказа, предпослав соответствующее введение.

II. Уже тридцать семь лет правил Ромул основанным им Римом. Пятого июля, в тот день, который в настоящее время называется Капратинскими нонами, Ромул приносил за городом, на Козьем болоте, жертву за весь народ в присутствии Сената и большей части граждан. Внезапно в воздухе произошла большая перемена: на землю спустилась туча, сопровождаемая вихрем и бурей. Остальной народ в страхе пустился бежать и рассеялся в разные стороны, Ромул же исчез. Его не нашли ни живым, ни мертвым. На патрициев пало сильное подозрение. Народ говорил, что они давно тяготились царской властью и, желая забрать управление государством в свои руки, умертили царя, так как он стал с некоторого времени поступать с ними с more и деспотичнее. Патриции старались рассеять подобного рода подозрения, причислив Ромула к богам и говоря, что он "не умер, а удостоился лучшей доли". Прокул, личность, пользовавшаяся уважением, поклялся, что видел, как Ромул возносился в полном вооружении на небо, и слышал его голос, приказывавший называть его Квирином.

В городе начались новые волнения и споры относительно избрания будущего царя: новые граждане не успели еще вполне слиться с прежними. Народ продолжал сильно волноваться, патриции вследствие царствовавших между ними несогласий также подозревали один другого. Все, однако, были согласны в том, что необходимо избрать царя, но спорили и расходились во мнениях не только о том, кому предложить корону, но и из какого народа должен быть будущий царь. Те, которые вместе с Ромулом первыми поселились в городе, не хотели и слышать, чтобы сабинцы, только вследствии получившие право жить в городе и землю, имели власть над теми, кто принял их в свою среду. Но и сабинцы были правы, говоря, что после смерти царя своего Татия они не восстали против Ромула, но подчинялись ему как единодержавному владыке, вследствие чего имеют право требовать, чтобы будущий царь принадлежал к их народу. Они присоединились к римлянам не как слабейшие к сильнейшим, -- напротив, слившись с ними, они увеличили количество населения и возвели город на степень его нынешней славы. Вот о чем спорили они. Чтобы споры, возникшие вследствие беззначания, не перешли в открытое возмущение в то время, когда государство находилось в опасном положении, патриции, общее число которых доходило до полутораста человек, решили дать каждому из них права царской власти и позволить в продолжение шести часов ночи и шести часов дня приносить богам установленные жертвы и заниматься государственными делами. Такое разделение патриции считали удачным в том отношении, что оно уравнивало их, точно так же, как смена власти уничтожала в народе чувство зависти. Он видел, что в тот же день и ту же ночь одно и то же лицо из царя делалось простым гражданином. Этот образ правления римляне называют "междуцарствием".

III. Патриции правили в новом своем звании мягко, не прибегая к крутым

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org мерам, и тем не менее не спаслись от подозрений и беспокойств. Их обвиняли в том, что они стремятся к олигархии и хотят управлять государством лишь в собственных интересах, не думая о восстановлении царского достоинства. Наконец обе партии решили, чтобы одна из них избрала царя из среды другой, надеясь таким образом положить конец существующим между ними несогласиям и ожидая, что избранник их будет относиться одинаково беспристрастно к обеим сторонам, любя одних, как избравших его, других уважая, как своих соотечественников. Сабинцы предоставили право избрания первым римлянам, которые предпочли иметь царем избранного им сабинца, нежели избранного последними -- римлянина. После предварительных совещаний они провозгласили царем сабинца Нуму Помпилия, правда, не из числа его соотечественников, переселившихся в Рим, но тем не менее пользовавшегося столь широкой известностью за свои нравственные качества, что, когда названо было его имя, сабинцы встретили его избрание еще с большим восторгом, чем сами избравшие. Объявив народу о своем решении, они отправили в качестве послов к Нуме от общего имени самых известных граждан из обоих народов с просьбой приехать в Рим и принять престол.

Нума родился в большом сабинском городе Курах, по имени которого римляне после смешения их с сабинцами были названы "киритами". Он был сыном известного гражданина, Помпония, младшим из четырех братьев. По воле свыше он родился 21 апреля, в день основания Рима Ромулом и его товарищами. Богато одаренный нравственными качествами от природы, он еще более успел в своем умственном развитии благодаря учению, несчастьям своей жизни и серьезным размышлением. Он укротил в себе не только низменные желания, но и отрешился от страстей, находящих себе одобрение среди невежественных народов, -- от насилия и корысти. Обуздывать желания силой рассудка он считал истинным подвигом. Вот почему он изгнал у себя в доме всякую негу и роскошь и готов был услужить каждому гражданину и иностранцу в качестве непогрешимого судьи и советника, в то время как сам посвящал свободное время не удовольствиям или заботам о своем обогащении, а служению богам и размышлению об их свойстве и могуществе. Благодаря этому он приобрел себе славное, блестящее имя, так что правивший Римом вместе с Ромулом Татий выдал за него свою единственную dochь Татию.

Этот почетный брак не заставил его переселиться к своему тестю, -- он остался по-прежнему в земле сабинцев, помогая своему старому отцу, как и сама Татия предпочла спокойную, частную жизнь своего мужа тем почестям и блеску, которые ждали ее в Риме при дворе отца. Говорят, она умерла на тринадцатом году замужества.

IV. Нума простился тогда с городской жизнью. Большей частью он жил в деревне, где искал одиночества и проводил время то в священных рощах, то в безлюдных местах, вследствие чего главным образом и распространился слух о его знакомстве с одной богиней. Говорили, что Нума простился со светом не от тоски или горя, а потому, что ему выпало на долю высокое счастье быть знакомым с богиней, иметь ее своей женой, что он, счастливец, проводит время в обществе любившей его нимфы Эгерии и что ему стали доступны божеские тайны. Очевидно, все это походит на те сказания, которыми так богата глубокая древность. Фригийцы, например, любили рассказывать много об Аттисе, вифинцы -- о Геродоте, аркадцы -- об Эндимионе, как и прочие народы -- о многих других счастливцах, любимых богами. Можно допустить, что бог, любящий не лошадей или птиц, а человека, охотно бывает в общении с людьми добрыми и не гнушается, не считает унизительным для себя беседовать с человеком благочестивым и высоконравственным. Но трудно поверить, в свою очередь, чтобы человеческое тело и красота могли прельстить божество, вообще высшее существо, к плотскому общению с ним. Как бы то ни было, следует, однако, верить, что бог может находиться, по крайней мере, в дружеских отношениях с человеком и любить его той любовью, которая заключается, конечно, в заботах о его нравственном совершенстве. Есть правда в мифах о Форбанте, Гиацинте и Адмете, любимцах Аполлона, точно так же, как сикионце Ипполите. Говорят, каждый раз, когда он переплыval из Сикиона в Кирру, бог, как бы чувствуя это и радуясь, влагал в уста пифии следующий гекзаметр:

Вновь Ипполит мой любимый вступает на волны морские.

По преданию, Пан любил поэта Пиндара, Архилох 1 Гесиод также удостоились после смерти со стороны богов почести за свой поэтический талант, а Софокл даже при жизни принимал у себя в гостях Асклепия, -предание, которое подтверждается многими до сих пор еще существующими доказательствами. Говорят, другой бы позаботился о нем после его смерти, если мы согласимся со всем этим, можем ли мы сомневаться, что божество часто входило в непосредственные сношения с Залевком, Миносом, Зороастром, Нумой и Ликургом, царями или законодателями, и что, вероятно, их общение богами носило на себе серьезный характер, так как он: желали внушить им стремление

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org к прекрасному, между тем как общение богов со скорбными поэтами -- если вообще оно имело место -- было не более как шуткой Кто думает иначе, тому, по выражению Вакхилида, "скатертью дорога"... О Ликурге, Нуме и прочих людях подобного рода существует и другое мнение, не имеющее себе ничего невероятного, -- именно, что они, смягча нравы диких, грубых народов и производя крупные пе ремены в их политическом устройстве, приписывали себе божескую власть, спасительную для тех, ради которых они считали себя одаренными ею.

V. Нуме было уже тридцать девять лет, когда из Рим приехали послы звать его на царство. Прокул и Велес сказали речи от лица товарищей. Того или другого и них, как ожидали раньше, народ желал избрать в царя. На сторону Прокула склонялись главным образом со соотечественники Ромула, за Велеса были потомки Татия Их речи были кратки -- они надеялись, что Нума буде обрадован выпавшим на долю его счастьем; но, как видно, им стоило больших трудов, долгих слов и просьб убедить человека, жившего до сих пор спокойно, мирно, переменить свои мысли и принять власть над городом, родившимся и выросшим, так сказать, среди грома оружия. Нума в присутствии своего отца и одного из своих родственников, Марция, отвечал им: "Всякая перемена в человеческой жизни опасна. Кто ни в чем не нуждается, кто не может роптать на настоящее, того только безумие может заставить переменить образ жизни, отказаться от его привычек. Быть может, в настоящем моем положении нет ничего завидного, тем не менее оно постоянно, а это дает ему преимущество пред неизвестным будущим. Я знаю, что значит быть царем, из несчастия Ромула. Его чернили, подозревая в смерти Татия, его товарища по управлению, точно так же, как вас, сенаторов, подозревают в убийстве Ромула, хотя вы и называете его сыном богов и рассказываете, что он воспитан богами и чудесно спасен ими еще ребенком. Но вы знаете, что я по рождению -- человек и что вскороми и воспитали меня люди. Все, за что хвалят меня в жизни, моя любовь к ничем не нарушающему покой, мои мирные занятия отвлеченными предметами -- все это такие качества, которых не следует иметь человеку, приглашаемому занять трон, точно так же, как и мою страстную, с малых лет не покидающую меня любовь к миру, любовь к мирным занятиям и тем людям, которые собираются вместе или для поклонения богам, или для дружеской беседы и которые в остальном занимаются лишь земледелием или скотоводством. Быть может, Ромул оставил вам, римляне, в наследство много неприятных войн. Чтобы вести их, государству нужен царь опытный и полный сил. Благодаря удачам народ сжился с ними, полюбил их. Ни для кого не тайна, что он желает распространить свою власть и повелевать другими. Если бы я стал учить граждан чтить богов, уважать право и ненавидеть насилие и войну, граждан, которым нужен скорей полководец, нежели царь, я показался бы смешным в своих желаниях!" На этом основании он отказывался от царства.

VII. Римляне употребляли все усилия, кидались ему в ноги, просили его избавить их от новой вражды партий и междуусобной войны; по их словам, не было другого, к которому были бы расположены одинаково оба народа. Когда они ушли, отец Нумы и Марций стали, со своей стороны, горячо убеждать его принять великий дар ему со стороны богов. "Ты не нуждаешься в богатстве, -- говорили они, -- у тебя всего довольно, тебя не прельщает ни блеск власти, ни могущество, у тебя есть блеск твоих нравственных качеств, которые стоят выше; но ты должен смотреть на царскую власть как на служение божеству. Оно восставит тебя и не попустит, чтобы такой справедливый человек, как ты, коснел в бездействии. Не отказывайся от престола, не беги его: для умного он поле, где он может совершить блестящие подвиги. Здесь ты можешь с достойным великолепием почтить богов, как и смягчить сердца подданных и обратить их на путь благочестия, подданных, которых всего легче и скорее могут изменить к лучшему их цари. Эти люди полюбили Татия, хотя царь был для них пришлецом, памяти Ромула оказывают божеские почести. Кто знает, быть может, этот народ, которому улыбается бранное счастье, пресыщен воиню, быть может, ему наскучили триумфы, быть может, он ищет не добычи, а царя кроткого, друга правды, чтобы вкусить благ порядка и мира? Но, если даже они только и мечтают что о войне, страстно желают ее, -- не лучше ли обратить их страсти в другую сторону, взяв в руки бразды правления, и соединить весь родной нам народ сабинский узами любви и дружбы с городом сильным и могущественным?" К просьбам их присоединились, говорят, и счастливые предзнаменования, также и горячие просьбы сограждан Нумы, которые, узнав о посольстве, умоляли его идти в Рим и принять престол, чтобы слить в одно целое два народа.

VIII. Тогда он решился, принес богам жертву и отправился в Рим. Сенат и народ из особенной любви к нему вышли к нему навстречу. Женщины говорили ему добрые пожелания; в храмах приносились жертвы. Все радовались, как будто город получил не царя, а царство. Когда шествие достигло форума, исполнявший в те часы должность царя Спурий Веттий приступил к голосованию.

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org
Все граждане высказались за избрание Нумы. Затем принесены были знаки царского достоинства; но Нума просил подождать, пока избрание его на престол утвердят и боги. В сопровождении авгуроров и жрецов он взошел на Капитолий, или Тарпейскую скалу, как его называли тогда римляне. Здесь старший из авгуроров поставил его с покрытым лицом к югу, сам же стал сзади его и, положив правую руку ему на голову, начал читать молитвы за него, посматривая по сторонам, не увидит ли знамений, посыпаемых богами, вроде летящих птиц или других примет. Мертвя тишина царила на форуме, покрытом бесчисленным множеством народа. Все с напряженным вниманием ждали, что будет, как вдруг показавшиеся с правой стороны птицы -- счастливое предзнаменование -- подтвердили избрание. Тогда Нума надел царскую мантию и сошел с Капитоля в народ. Раздались громкие восклицания. Царя встретили восторженно, как высоко благочестивого человека и любимца богов.

Вступив на престол, он прежде всего уничтожил отряд из трехсот человек, всегдаших телохранителей Ромула, названных им за быстроту исполнения поручений целерами. Нума не хотел ни быть не доверчивым к тем, кто доверял ему, ни царствовать над людьми, не доверявшими ему. Далее, он к двум жрецам Юпитера и Марса прибавил третьего -- для Ромула -- и назвал его флавином Квирина. Римляне звали "флавинами" и прежних жрецов. Название это происходит, вероятно, от их шляп, сделанных, по рассказам, из войлока; в то время греческие слова были в большем употреблении в латинском, нежели в настоящее время: по словам Юбы, слово "лена", плащ, который носили жрецы, соответствует греческой "хлене". Точно так же мальчика, у которого были живы отец и мать и который прислуживал жрецу Юпитера, он называет камиллом -имя, под которым известен у некоторых греческих племен Гермес как "служитель" богов.

VIII. Всем этим Нума желал снискать себе любовь и уважение народа. Вслед за тем он немедленно приступил к преобразованиям в государственном устройстве, чтобы сделать суровых и воинственных граждан людьми с более мягким сердцем и более справедливыми. Действительно, в то время Рим был городом, которым, по выражению Платона, овладел горячечный жар. Самым своим существованием он был обязан смелости и отчаянной дерзости сбежавшихся туда отовсюду храбрых и воинственных людей. Целый ряд походов, частые войны послужили источником усиления его могущества. Как вбитые в землю сваи становятся от частых колебаний еще крепче, так и испытанные ими несчаствия только укрепили их. Сделать мягче нравы, внушить любовь к миру народу гордому и дикому -- эту задачу царь считал далеко не легкой и решил обратиться за помощью к богам. Он желал как вождь народа смирить его воинственный пыл главным образом принесением жертв, торжественными религиозными процессиями и танцами, которые он сам учредил и ввел в употребление, -- всем тем, на чем лежит печать серьезности, но в то же время радости и веселья. Иногда он предсказывал им о грозящих им напастях со стороны богов, говорил об ужасных явлениях духов и о слышанных им не предвещающих ничего хорошего голосах -- и религиозный страх заставлял робеть сердца его подданных.

Это главным образом и дало повод считать, что своей мудростью и воспитанием он обязан знакомству с Пифагором. Как главная часть философии последнего, так и главная часть политики первого состояла в установлении близких отношений к божеству, общении с ним. Говорят, царь принял на себя важный вид и внешность с тою же целью, что и Пифагор. По рассказам, философ приручил орла и мог известными словами остановить его во время полета и заставить спуститься к нему; он же показал часть своего золотого бедра, когда пробирался на играх в Олимпии сквозь толпу народа. Рассказывают и о многих других его выдумках и поступках, вследствие чего флиунтец Тимон сказал о нем:

Древний хотел Пифагор великим прослыть чародеем;
Души людей завлекал болтовней напыщенно-звонкой.

Точно так же и Нума выдумал сказку о любви к нему какой-то богини или горной нимфе и о таинственном общении с нею, о чем я говорил выше, и о близких сношениях его с музами. Большинство своих предсказаний он получал "от муз". Одну музу он приказал римлянам чтить особенно, больше других. Он назвал ее Тацитой, т. е. молчаливой, немою, как бы напоминая этим о пифагорейском молчании и желая почтить этот обычай.

Его законы относительно статуй богов совершенно сходятся с воззрениями на этот предмет Пифагора. Последний учил, что начала всего сущего нельзя чувствовать: оно не подвержено внешним впечатлениям, невидимо, не создано и духовно. Так и Нума запретил римлянам изображать богов в виде людей или животных. Раньше у них не было ни писаных изображений богов, ни изваянных. В первые сто семьдесят лет от основания Рима они строили храмы и ставили святилища, но считали грехом приравнивать высшее к низшему и постигать бога иначе как умом. Равным образом и жертвы, установленные Нумой, схожи с

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org пифагорейскими жертвами -- они бескровны и состоят в большинстве случаев из муки, возлияний и предметов самой незначительной стоимости. Приводят еще и другие примеры из внешнего мира для доказательства близких отношений между этими двумя людьми, между прочим, то, что римляне дали Пифагору права римского гражданства, о чем говорит комик, древний пифагореец Эпихарм, в своем сочинении, посвященном Антенору; затем одного из своих четырех сыновей царь Нума назвал Мамерком в честь сына Пифагора. От него, говорят, получил свое имя патрицианский род Эмилиев: царь назвал его так за его приятную, красивую речь. Многие в Риме передавали мне лично, что некогда оракул велел римлянам поставить у них в городе статуи "умнейшему" и "храбрейшему из греков" и они поставили на форуме две медные статуи -- Алкивиада и Пифагора.

Рассказ этот сомнителен во многих отношениях. Говорить о нем подробнее или доказывать его справедливость -- значит заводить детские споры.

IX. Нуме приписывают учреждение, установление должности первосвященников, "понтификов", как называют их римляне. Он был первым из них. Понтифики названы они, по словам некоторых, потому, что служат могущественным, имеющим над всем власть богам, -- "могущественный", по-латыни, "потенс". Другие говорят, что в этом имени заключается значение чего-то "возможного", так как законодатель велел приносить жрецам жертвы, "если будет можно", не ставя им в вину, если им помешает что-либо важное. Большинство же предлагает совершенно смешное объяснение этого слова -- оно значит будто бы не что иное, как "делатели мостов", так как возле мостов приносились жертвы, "мост" же, по-латыни, -- "pons". Впрочем, заведование мостами и починка их лежат на обязанности жрецов, как и отправление неизменно существовавших с древнего времени жреческих должностей. Сломать деревянный мост римлянин не имеет права под опасением навлечь на себя проклятие. Точно так же рассказывают, что мост этот выстроен целиком из дерева, без куска железа -- вследствие предсказания оракула. Каменный мост выстроен позже, в квесторство Эмilia. Говорят, впрочем, что и деревянный построен после Нуны, в царствование внука Нуны, Марция.

Верховный понтифик является как бы толкователем воли божества, пророком, или, вернее, верховным жрецом. Он имеет надзор не только над жертвоприношениями, совершаемыми публично, но смотрит и за жертвоприношениями частных лиц, не позволяет преступать правила религии и наставляет каждого, как он должен чтить богов и умилостивлять их. Затем ему принадлежит надзор за жрицами-весталками: учреждение коллегии весталок, вообще службы, культа вечного огня, который блюдут они, приписывается также Нуме. Быть может, он желал поручить служение чистому, не имеющему никакой грязи огню существам чистым, не запятнанным, или, быть может, находил близкое сходство девства с бесплодием и непроизводительностью огня. В Греции, там, где существует служение неугасаемому огню, например-, в Дельфах или Афинах, забота о его поддержании возложена не на девушек, а на старых дев. Если он случайно потухал, как, например, потух священный огонь в Афинах при тиране Аристионе, или в Дельфах, когда храм был сожжен персами, или затем в Риме во время борьбы с Митридатом и междуусобных войн, когда огонь исчез вместе с алтарем, -- его нельзя было зажечь от другого огня: его следовало зажечь чистым, не оскверненным лучом солнца. Огонь этот добывают преимущественно с помощью зажигательных стекол, которые имеют вид пустых внутри равнобедренных прямоугольных треугольников, обращенных вершинами в одну точку. Их ставят против солнца. Лучи его, всюду преломляясь, собираются в центре в одну точку, проходят через разрежающийся при этом воздух и затем зажигают лежащее возле легкое и вполне сухое вещество, так как лучи, отражаясь, становятся огненным телом. Некоторые уверяют, что единственная обязанность весталок -- блести священный огонь; но другие говорят, что здесь есть священная тайна, скрытая от других. В жизнеописании Камилла я сказал о них все, что можно знать и говорить.

X. По преданию, Нума посвятил в весталки сперва двух дев, Геганию и Верению, затем Канулею и Тарпею. Сервий прибавил к ним впоследствии еще двух, и это число остается без изменения до настоящего времени. Царь определил девам сохранять свое девство до тридцати лет. В первые десять лет их учат тому, что они должны делать; в другие десять лет они применяют к делу свои познания; в последние десять лет -- сами учат других. После этого они могут делать, что желают, и даже выходить замуж или избирать себе новый образ жизни, не имеющий ничего общего с жизнью жрицы. Но этой свободой воспользовались, говорят, немногие, да и те, которые сделали это, не принесли себе никакой пользы, большинство же провело остаток своих дней в раскаянии и унынии, причем навели на других такой религиозный ужас, что они предпочли до старости, до самой смерти девство супружеству.

Царь дал им большие преимущества -- они могли, например, делать завещания еще при жизни отца и располагать всею осталной своей собственностью, не

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org прибегая к помощи попечителей, как и матери трех детей. Когда они выходят, их сопровождает ликтор. Если они встречаются случайно с преступником, которого ведут на казнь, ему оставляют жизнь. Весталка должна только поклясться, что встреча была случайной, невольной, не преднамеренной. Кто проходил под их носилками, когда они сидели на них, подвергался смертной казни. Наказывают весталок за различные проступки розгами, причем наказывает их верховный понтифик. В некоторых случаях виновную даже раздевают донага в темном месте и накидывают на нее одно покрывало из тонкого полотна. Нарушившую обет девства зарывают живьем в яму у Коллинских ворот. Возле этого места, в черте города, тянется длинный земляной вал, аgger [agger] по-латыни. Здесь, под землею, устраивали маленькое помещение, с входом сверху, куда ставили постель, лампу с огнем, небольшое количество съестных припасов, например, хлеба, кувшин воды, молока и масла, -- считалось как бы преступлением уморить голодом лицо, посвященное в высшие таинства религии. Виновную сажали в наглоухо закрытые и перевязанные ремнями носилки так, что не слышно было даже ее голоса, и несли через форум. Все молча давали ей дорогу и провожали ее, не говоря ни слова, в глубоком горе. Для города нет ужаснее зрелища, нет печальнее этого дня. Когда носилки приносят на назначеннное место, рабы развязывают ремни. Верховный жрец читает таинственную молитву, воздевает перед казнью руки к небу, приказывает подвести преступницу, с густым покрывалом на лице, ставит на лестницу, ведущую в подземелье, и удаляется затем вместе с другими жрецами. Когда весталка сойдет, лестница отнимается, отверстие засыпают сверху массой земли, и место казни становится так же ровно, как и остальное. Вот как наказывают весталок, преступивших свои обязанности жриц!

XI. По преданию, Нума построил также храм Весты для хранения неугасаемого огня. Он дал ему круглую форму; но она представляла не фигуру Земли, -- он не отождествлял с нею Весту, -- а вообще, вселенную, в центре которой, по верованию пифагорейцев, горит огонь, называемый Гестией-Монадой. По их мнению, земля не неподвижна и не находится в центре вселенной, но вращается вокруг огня и не может считаться лучшою, первою частью вселенной. Такого же взгляда относительно земли держался, говорят, в старости и Платон. Он считал, что она находится в другом месте, центр же вселенной, лучшее место, отводил другому, высшему телу.

XII. Понтифики объясняют также в случае надобности и обряды относительно погребения. Нума убедил их не видеть в этом случае ничего оскверняющего, напротив, завещал им воздавать определенные почести и подземным богам, так как им достается лучшая часть нашего существа. Особыми почестями пользуется у римлян Либитина, богиня, имеющая надзор за всем тем, что относится до обрядов погребения покойников. Ее можно отождествлять с Персефоной или, еще вернее, по мнению образованнейших римлян, с Афродитой. Они не без основания считают одну и ту же богиню виновницей и нашего рождения, и нашей смерти. Относительно продолжительности траура по умершим царь принимал во внимание их возраст. Так, например, нельзя было носить траура по ребенку, которому не было еще трех лет. По покойникам старше этого возраста до десяти лет можно было носить траур столько месяцев, сколько лет ребенок жил. Это был вообще крайний срок траура и наименьший срок вдовства для женщины, потерявшей мужа. Выходившая замуж раньше этого срока должна была принести, по предписанию Нуны, в жертву стельную корову.

Нума установил много и других жреческих должностей. Из них я упомяну только о двух -- салиев и фециалах. Они всего лучше говорят о набожности царя.

Фециала -- своего рода хранители мира. Мне кажется, и свое название они получили от своей должности. Они старались прекращать увещаниями несогласия и не позволяли объявлять войну прежде, чем теряли всякую надежду на мирное решение спора. Точно так же и для греков "мир" -- когда взаимные недоразумения прекращаются силой слова, не при помощи оружия. Римские фециала часто ходили к тем народам, которые были виновниками оскорблений, и лично старались склонить их к миру. Если их усилия уладить дело миром кончались неудачей, они приглашали богов в свидетели, призывали множество страшных проклятий на свои головы и на свое отечество, если они не правы, как нападающие, и затем объявляли войну. Без их согласия или при их отказе дать его ни один солдат, ни царь не имел права взяться за оружие. Царь должен был узнать от них, имеет ли он нравственное право начать войну, и затем уже готовиться к ней. Говорят, и несчастье во время войны с галлами обрушилось на государство потому, что в данном случае был оставлен без внимания этот религиозный обычай. Галлы осаждали город Клузий, когда в их лагерь отправлен был в качестве посла Фабий Амбуост для переговоров о снятии осады. Получив высокомерный ответ и не считая себя связанным более званием посла, он в своей юношеской заносчивости дошел до того, что обнажил оружие в защиту клузийцев, вызвав на поединок храбрейшего из неприятелей. Бой

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org кончился для него удачно -- он убил врага и снял с него оружие. Узнав об этом, галлы отправили в Рим посла, обвиняя фабия в том, что он сражался с ними без объявления войны, вероломно нарушая договоры. Фециалы советовали сенату выдать виновного галлам; но он искал спасения в толпе и благодаря любви к нему народа избежал наказания. Вскоре галлы взяли Рим и сожгли его весь, кроме Капитолия. Об этом я рассказываю подробнее в жизнеописании Камилла.

XIII. Должность салиев учреждена, говорят, по следующему случаю. В восьмой год царствования Нумы Италию опустошала чума, проникшая и в Рим. Население было в величайшем отчаянии, когда, по преданию, в руки Нумы упал с неба медный щит. Об этом щите царь стал рассказывать чудеса, которые он, по его словам, узнал от Эгерии и муз. Щит этот, говорил он, послан небом для спасения города; его следует хранить и вместе с тем сделать еще одиннадцать других щитов, формой, величиной и рисунком совершенно похожих на него, чтобы вор благодаря их сходству не мог отличить того из них, который упал с неба; место, где он будет храниться, следует посвятить музам вместе с соседними полями, куда они часто приходят для бесед с ним, царем; протекающий в этом месте источник необходимо объявить священным и уступить весталкам: они должны ежедневно черпать из него воду, чтобы мыть и кропить храм. Его слова оправдались -- чума прекратилась. Затем царь показал щит художникам и приказал им сделать несколько других, совершенно на него похожих. Все отказались, кроме Ветурия Мамурия, замечательного художника. Он сделал все щиты настолько похожими один на другой, достиг такого единобразия, что даже сам Нума не мог различить их. Надзор за их хранением он поручил жрецам - салиям. "Салиями" они названы не в честь самофракийца или мантинейца Салия, как думают некоторые, который будто бы первым учил их известному военному танцу, а скорей по самой форме их танца, похожего на прыгание. В марте месяце они берут священные щиты, надевают красную тунику, медные широкие пояса и медные же шлемы и, стуча короткими мечами о щиты, с танцами обходят город. В остальном их танец состоит в движении ног. Движения их красивы. Они быстро и с легкостью, соединеною с силой, делают в такт много разнообразных оборотов. Самые щиты зовут они "анцилии" [ancilia] вследствие их вида -- они не круглы и не глиптической формы, как обыкновенные: они образуют кривую линию в виде спирали, концы которой в самом узком месте обращены в противоположные стороны. Быть может, однако, их название происходит от слова "локоть", на котором их держат. Так говорит юба, который желает видеть в этом слове греческий корень. Быть может, название их происходит от того, что первый щит упал с неба, сверху или потому, что он даровал исцеление больным, или потому что прекратил засуху, или, наконец, потому, что был спасением от бедствия. Вследствие этого и афиняне называют диоскуров Анаками, если уж считать это слово греческим. В награду за искусство Мамурия салии упоминают о нем в песне, которую исполняют во время своего военного танца. Другие говорят, впрочем, что они поют ее не про Ветурия Мамурия, а про "ветерем мемориам" [veterem memoriam], т. е. про "древнее предание".

XIV. Покончив с учреждением греческих должностей, царь выстроил вблизи храма Весты Регию, т. е. царский дворец. Здесь он проводил большую часть времени или в жертвоприношениях, или в обучении жрецов, или же в разговорах с ними религиозного характера. Другой его дворец находился вблизи Квиринальского холма. Место его показывают еще до сих пор. Во время каждого выхода царя или вообще при религиозных процессиях впереди шли глашатаи, которые водворяли по улицам города тишину и приказывали всем бросать работы. Говорят, пифагорейцы запрещают молиться богам, поклоняться им "мимоходом", напротив, приказывают выходить из дома в молитвенном настроении. Так и Нума желал, чтобы граждане не слышали и не видели ничего, имеющего отношение к религии, мимоходом, случайно, -- они должны были бросить другие занятия и отдаваться всей душой делам благочестия как более важным в сравнении с другими. Вот почему он желал, чтобы на улицах во время религиозных процессий не было ни шума, ни крика, ни вздохов и т. п., что бывает обыкновенно при занятии ремеслами. Следы некоторых из его распоряжений сохранились до сих пор. Например, когда консул наблюдает за полетом птиц или приносит жертву, кричат "Хок аге!", т. е. помни, что делаешь, желая напомнить присутствующим о внимании и пристойности.

Многие и другие распоряжения царя носят на себе пифагорейский характер. Пифагорейцы, например, запрещали садиться на меру для зерна, разгребать огонь ножом, идя в дорогу -- оглядываться назад, богам неба приносить четное число жертвенных животных, подземным -- нечетное. Значение каждого из этих обычаем они скрыли от непосвященных. Так же таинственны и некоторые из распоряжений Нумы, -- например, не совершать возлияний богам из вина необрезанной лозы, не приносить жертв без муки, молясь богам -- кланяться во все стороны и после молитвы садиться. Первые два обряда имеют, вероятно,

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org целью побудить к занятию земледелием, считающемуся у пифагорейцев одним из подвигов благочестия, поклоны же во все стороны во время молитвы считаются подражанием кругообращению вселенной. Но, вероятно, это правильнее объяснить тем, что так как храмы обращены на восток и входящие обращены к солнцу спиной, то им приходится поворотиться, приветствуя бога света, делать при молитве полный круг. Быть может, впрочем, это имеет то же значение, что и египетские колеса, и намекает на непостоянство, на переменчивость всего земного, на то, что следует принимать охотно, без ропота все испытания и превратности, посыпаемые нам в жизни богом. Сидят после жертвы для того, говорят, чтобы молитва была услышана и чтобы просимые блага были продолжительны. Отдых бывает перед началом нового дела и после конца другого; так, говорят, и они, кончив одно дело, садятся перед богами, чтобы получить от них затем позволение начать другое. Но это может быть объяснено также желанием законодателя -- с чем согласно то, о чем говорено выше, -приучить нас молиться богам, когда мы не заняты другими делами, не мимоходом, так сказать, не спеша, но когда у нас есть свободное время.

XV. Благочестивый характер воспитания имел своим следствием то, что нравы граждан стали мягче. Нравственное влияние Нумы сделалось так сильно, что невероятные рассказы, походившие на басни, принимались на веру. Установилось мнение, что для царя, стоит ему захотеть, нет ничего невозможного, ничего недоступного. Говорят, он однажды пригласил к себе на обед много граждан, причем поставил на стол дешевые приборы и простые, самые обыкновенные кушанья. В начале обеда царь сказал, что к нему идет друг его, нимфа, -- и комната разом наполнилась дорогой посудой, стол -- массой дорогих блюд. Но рассказ о разговоре его с Юпитером совершенно невероятен.

Говорят, на Авентинский холм, в то время еще не входивший в черту города и не заселенный, но имевший богатые водой источники и тенистые рощи, часто ходили два бога, Пик и фавн, которых можно было бы сравнивать во всех отношениях с сатирами или панами греков. Но дело в том, что они, странствуя по Италии и применяя свои познания, считаются знатоками врачебного искусства и записными колдунами, как идейские дактилы греков. Рассказывают, Нума поймал их, смешав воду источника, из которого они постоянно пили, с вином и медом. Когда их поймали, они начали принимать различные виды, изменять свою наружность и превращаться в страшных на вид чудовищ. Чувствуя, однако, что им не избежать плена, не получить свободы, они открыли царю много тайн будущего, научили его, каким образом очищать себя от посланных в наказание с неба молний, -- для чего в настоящее время употребляется лук, волосы и мелкая рыба. Некоторые говорят, что очищению научили его не эти боги, но что они своими заклинаниями только свели с неба самого Юпитера. Бог разгневался на Нуму и приказал ему произвести очищение "головами". "Луковичными?" -- быстро спросил Нума. "Нет, человеческими..." -- начал Юпитер. Желая избежать исполнения такого жестокого приказания, царь переспросил его: "Волосами?" -- "Нет, живыми", -- ответил Юпитер. "Маленьками рыбками?" -- переспросил Нума, -- вопрос, который научила его задать Эгерия. Бог смягчился и вознесся на небо. Место, где происходило это, названо Илицием. Очищение совершается так, как сказано выше.

Подобного рода невероятные, смешные рассказы доказывают, как глубоко было тогда религиозное чувство в сердцах граждан, чувство, укоренившееся в них в силу привычки. Сам Нума, по преданию, так крепко верил в бога, что, когда ему сказали однажды, что неприятели приближаются, он с улыбкой ответил: "А я приношу жертву..."

XVI. Говорят, он первый построил храм богине Верности и Термину и научил римлян клясться "верностью" как важнейшую из клятв, что они соблюдают до сих пор. Термин -- бог границ. Ему приносит жертвы как от имени государства, так и частные лица, на границах полей, жертвы в настоящее время кровавые, но прежде -- бескровные. По справедливому мнению Нумы, бог границ, страж мира и свидетель правды, должен быть чист от крови. Вероятно, этот царь и обозначил вообще границы своих владений. Ромул не хотел сделать этого, чтобы не показать, сколько земли отнял он у других. Границы, если их уважают, служат пределами власти, но если на них не обращают внимания, доказательством несправедливости. Вначале у Рима было мало земли. Почти всю ее Ромул завоевал оружием. Всю ее Нума разделил между бедными гражданами, чтобы уничтожить бедность, тем самым уничтожить преступления и приучить народ заниматься земледелием -- обрабатывая землю, перерабатывать себя. Никакие другие занятия не внушают так быстро горячей любви к миру, как земледельческий труд. Он вселяет, воспитывает в нас воинственный дух для защиты родины и вырывает с корнем страсть обижать других и чувство алчности. Вот почему Нума старался внушить гражданам любовь к земледельческому труду, всего более располагающему к миру. Он любил эти

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org занятия потому, что они более способствуют нравственному совершенствованию, нежели благосостоянию. Землю он разделил на участки, названные им "пагами", и над каждым поставил начальника в качестве надзирателя. Иногда он сам осматривал поля и, судя по работам, составлял понятие о характере граждан. Одних он награждал и оказывал им свое доверие, ленивых и небрежно относившихся к делу старался исправить выговорами и порицаниями.

XVII. Из остальных его преобразований особенного внимания заслуживает разделение им народа на классы, смотря по ремеслам. Город, как мы сказали выше, состоял как бы из двух народов или, вернее, делился на них. Они вовсе не желали сплотиться вместе, ни прекратить царившую между ними рознь и ссоры, напротив, между обеими сторонами. беспрестанно происходили столкновения и споры. Царь знал, что твердые тела, которые по своей природе не способны к соединению, можно иногда соединить вместе, раздробив их, причем они легче сливаются благодаря небольшой своей величине. Поэтому он решил разделить весь народ на несколько частей, чтобы, сделав между гражданами другого рода различие, уничтожить первую, главную причину несогласия между народами, разделить ее как бы на несколько частей. Народ был разделен, по роду занятий, на флейтистов, золотых дел мастеров, плотников, красильщиков, сапожников, кожевенников, медников и гончаров. Другие ремесла царь соединил вместе и образовал из них один цех. Каждый цех имел свои собрания, сходки и религиозные обряды. Таким образом, царь в первый раз изгнал ту рознь, которая заставляла одних считать и называть себя сабинцами, других -- римлянами, одних гражданами Татия, других -- Ромула, вследствие чего деление на цехи внесло всюду и во всем гармонию и единодушие.

Царя хвалят также за то, что он издал закон, ограничивающий права продажи сына отцом: отсюда исключались женатые, если брак был заключен по воле и желанию отца. Царь понимал, что женщине, выходившей замуж за свободного человека, пришлось бы после жить с рабом.

XVIII. Он исправил также календарь, правда, не вполне точно, тем не менее не без знания дела. В царствование Ромула месяцы не имели ни определенного числа дней, ни определенного порядка. В некоторых из них не было и двадцати дней, тогда как другие заключали в себе тридцать пять и даже больше. Не понимая разницы между лунным и солнечным годом, римляне старались лишь о том, чтобы год состоял из трехсот шестидесяти дней. Нума высчитал, что разница между ними состояла в одиннадцати днях. Лунный год имеет только триста пятьдесят четыре дня, солнечный -- триста шестьдесят пять. Царь удвоил число этих одиннадцати дней и приказал вставлять через каждые два года, в феврале, вставной месяц в двадцать два дня, называемый римлянами "мерцедонием". Это исправление неправильностей календаря потребовало впоследствии еще больших исправлений. Царь переменил и порядок месяцев. Март, первый месяц года, он сделал третьим, январь, одиннадцатый месяц при Ромуле, -- первым, февраль, двенадцатый, последний месяц, -- вторым, каким он считается и теперь. Многие говорят, что месяцы январь и февраль прибавлены Нумой и что вначале римский год состоял только из десяти месяцев, как у некоторых иностранных народов -- из трех. Среди греков, у аркадцев он состоял из четырех, у акарнанцев -- из шести. У египтян в году был, говорят, сперва один месяц, затем -- четыре, вследствие чего их можно считать одним из древнейших народов в мире, хотя они живут на материике, образовавшемся весьма недавно. В своих родословных они приписывают себе невероятное множество лет, так как месяц считают за год.

XIX. Что в римском году было когда-то десять, а не двенадцать месяцев, видно из названия последнего месяца, который до сих пор еще называется "декабрем" -- десятым; что первым был март -- из занимаемого им места: пятый от него называется "квинтилием" -- пятым, шестой "секстилием" -- шестым и т. д., каждый по порядку. Если бы январь и февраль в то время предшествовали марта, тот месяц следовало бы считать седьмым, хотя и называть пятым. Что март, посвященный Ромулом Марсу, был первым месяцем, апрель -- получивший свое название от Афродиты, -- вторым, доказывается также тем, что римляне приносят в этом месяце жертвы богине и в его календы купаются с мильтовыми венками на головах. Некоторые уверяют, что апрель получил свое имя не от Афродиты -- его название объясняется проще: апрелем месяц называется потому, что в самый разгар весны почки деревьев начинают разбухать и распускаться, "аперайре" по-латыни.

Из остальных месяцев один назван в честь Майи, матери Меркурия, июнь -- в честь Юноны. Другие говорят, что месяцы эти названы по порядку, в котором следуют: "майорес" значит по-латыни "старшие", "юниорес" -- "младшие". Прочие месяцы назывались по порядку, в котором идет каждый из них, -квинтилий, секстилий, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь пятый, шестой, седьмой, восьмой, девятый и десятый. Пятый месяц впоследствии назван июлем, в честь Цезаря, победителя Помпея, шестой -- августом в честь второго

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org императора. Два следующие месяца Домициан назвал своим именем; но это название удержалось недолго, после его убийства они получили прежние имена -- сентябрь и октябрь. Только два последние месяца сохранили название, данное им сначала, но по порядку, в котором они следовали. Из числа месяцев, прибавленных или переставленных Нумою, февраль -- месяц очищения, как показывает само его название (кроме того, в нем приносят заупокойные жертвы и спрятывают Луперкалии, праздник, очень похожий на обряд очищения). Январь, первый месяц, назван в честь бога Януса. Мне кажется, Нума переставил с первого места март, посвященный Марсу, потому, что желал во всем отдавать предпочтение мирным занятиям перед военными. Янус, очень древний бог, или царь, способствовал, говорят, гражданскому устройству общины и изменил к лучшему дикий, зверский характер ее членов, вследствие чего его изображают двуликим, так как он совершенно изменил жизнь в отношении ее внешности и обычаев.

ХХ. В Риме находится и его храм с двумя дверьми, "дверями войны": их отворяют во время войны и запирают во время мира. Делать это приходится, конечно, редко, да и трудно -- громадная империя всегда ведет войну с каким-либо соседним с его владениями иностранным государством. Он был заперт только после победы императора Августа над Антонием, раньше -- в консульство Марка Аттилия и Тита Манлия, да и то на короткое время. Вскоре затем началась война, и он был открыт. В царствование Нумы никто ни один день не видел его растворенным: все сорок три года он стоял запертым. Всюду было устранено все, дававшее повод к войне. Стали мягче, изменились к лучшему нравы не только римлян, народа, которому царь подавал пример справедливости и кротости, но и жителей соседних городов, как будто из Рима пахнуло чем-то свежим, задул здоровый ветер, принесший с собою спасительную перемену. Всех охватила страстная любовь к порядку и миру, к занятию земледелием, к тихой семейной жизни, желание молиться богам. Во всей Италии были видны одни празднества; в ней устраивались пиры, в ней царило радостное чувство -- можно было безбоязненно посещать друг друга, иметь взаимные сношения. Мудрость Нумы была своего рода источником, откуда вливалось во все сердца прекрасное и честное. Окружавшая его тишина распространялась всюду, мирное настроение, господствовавшее тогда, превосходило смелые представления поэтов, которые говорили:

И в железных щитах

Оббиты ремни

Пауков прилежных работой, -

или:

Съедены ржавчиной крепкие копья,

Съеден двуострый меч.

Медных труб умолкли призывы;

Сладостный сон

Не покидает очей.

Историки говорят, что в царствование Нумы не было ни войны, ни восстаний или волнений. У него не было ни врагов, ни завистников. Никто не покушался отнять у него престол, никто не составлял против него заговоров. Быть может, это происходило из-за страха перед богами, считавшимися защитниками царской власти, быть может, из уважения к его нравственным качествам или по воле свыше, только его жизнь была чужда всякого греха, была вполне чиста. Он как нельзя лучше оправдал на себе слова Платона, сказавшего немногими столетиями позже Нумы, что власть может доставить спасенье людям, успокоенное от бед тогда только, когда, по воле свыше, царская власть соединится с философским умом и, слившись, они помогут добродетели одолеть порок. "Счастлив, истинно счастлив он сам (философ), но счастливы и те, кто слышит речи, текущие из уст мудреца". Ему вскоре не придется действовать против толпы насилием или угрозами, -- видя в жизни самого царя ясный, блестящий пример добродетели, они охотно станут слушаться умных советов и в любви и согласии друг с другом, помня о справедливости и праве, изберут себе новую жизнь, чистую и счастливую. К этой прекраснейшей цели должна стремиться каждая власть. Царь, который может дать такую жизнь, может внушить такие мысли своим подданным, -- лучший из царей! Нума, кажется, лучше других понял эту истину.

ХХI. Относительно его семьи и брака историки противоречат друг другу. Одни говорят, что он был женат только на Татии и не имел детей, кроме единственной его дочери, Помпилии, другие, напротив, уверяют, что у него было еще четыре сына -- Помпон, Пин, Кальп и Мамерк. Из них каждый оставил потомство и сделался главою уважаемого рода. От Помпона происходят Помпонии, Пина -- Пинарии, Кальпа -- Кальпурнии, Мамерка -- Мамерции, которые вследствие этого носили прозвище "рексов", т. е. царей. Третьи утверждают, -- обвиняя тех лиц в желании под служиться вышеупомянутым домам, неосновательно выводя их род от Нумы, -- что Помпилия была дочерью не

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org
Татии, а другой матери, Лукреции, на которой Нума женился уже царем. Но все согласны в том, что Помпилия вышла замуж за Марция. Марций этот был сыном Марция, убедившего Нуму принять престол. Он переселился в Рим вместе с царем, сделался сенатором и после смерти Нумы выступил вместе с Туллом Гостилием в качестве кандидата на престол. Он потерпел неудачу и покончил с собой. Сын его, Марций, муж Помпилии, остался в Риме и был отцом преемника Тулла Гостилия, Анка Марция. Говорят, тому было всего пять лет, когда скончался Нума. Он умер не скоропостижно или внезапно, но постепенно угасая, по словам историка Пизона, от старости и подтачивавшей его силы болезни. Он жил немногим более восьмидесяти лет.

XII. Счастью его жизни можно было завидовать даже тогда, когда он лежал на смертном одре: союзные и дружественные народы явились на его похороны с принадлежностями для заупокойной жертвы и венками. Патриции подняли на плечи погребальный одр; при этом находились и жрецы богов, чтобы проводить его. Было также много женщин и детей. Они шли со слезами и рыданиями, и казалось, явились хоронить не старого царя, нет, каждый из них провожал в могилу как бы самого дорогого ему человека, умершего в полном цвете сил. Тело его, согласно выраженному им желанию, не было, говорят, сожжено. Сделаны были два каменных гроба и опущены в землю у подошвы Яникульского холма. В одном из них был положен труп, в другом -- книги религиозного содержания, написанные самим царем так, как писали свои законы греческие законодатели, -- на досках. Еще при жизни он подробно объяснил жрецам содержание написанного, растолковал им его смысл и приказал похоронить священные книги вместе с его трупом, не желая сохранять в ничего не говорящих других буквах полное глубокого смысла учение. На этом основании и пифагорейцы не оставили писаных сочинений -- они хотели запечатлеть воспитывающие слова в памяти достойных, не прибегая к письму. Так поступали они даже тогда, когда шла речь о трудных или, как они выражались, таинственных геометрических доказательствах. Если что-либо подобное сообщалось человеку недостойному, они говорили, что боги, несомненно, накажут каким-либо большим и общим бедствием за этот грех и преступление. Можно поэтому вполне извинить тех, кто желает доказать, что Пифагор и Нума имели между собою много общего.

Валерий Антиат пишет, что в гроб было положено двенадцать книг религиозного содержания и двенадцать других -- философского, на греческом языке. Через четыреста лет, в консульство Публия Корнелия и Марка Бебия, от больших дождей вода размыла землю и открыла гробы. Когда с них сняли крышки, в одном не нашли совершенно ничего, ни малейшего следа или частички трупа, но из другого вынули рукописи, которые прочел, говорят, тогдашний городской претор, Петилий. Он объявил сенату, что считает невозможным и преступным знакомить общество с содержанием книг, вследствие чего они были принесены на комитий и сожжены.

Всех честных и нравственных людей высоко уважают после смерти; зависть переживает их не надолго, иногда она даже умирает раньше их. Несчастная судьба преемников Нумы придает еще больше блеска его славе. Пятый, последний следовавший за ним царь был лишен престола и состарился в изгнании. Из четырех других никто не умер своею смертью. Трое из них пали от руки убийц. Тулл Гостилий, преемник Нумы, надругавшийся почти над всеми его лучшими деяниями, в особенности же смеявшись над его религиозностью, которая, в его глазах, располагала к праздности и бесхарактерности, старался вновь обратить граждан к войне. Он недолго оставался верен себе, недолго кощунствовал: опасная и сложная болезнь изменила его мысли и сделала его суеверным, ни в чем не похожим на благочестивого Нуму. Мало того, он заразил суеверными страхами народ, сгорев, по преданию, от удара молнии.

СОПОСТАВЛЕНИЕ

XIII (I). Описав жизнь Нумы и Ликурга, постараемся найти, как это ни трудно, различие и сходство между ними. Сходство выражается в общих им достоинствах -- в их уме, благочестии, умении управлять, воспитывать других и внушать им мысль, что оба они получили данные ими законы исключительно из рук богов. Различие между ними -- в чем каждый заслуживает похвалы -- состоит в том, что Нума принял престол, Ликург отказался от него. Один получил царскую власть, не ища ее, другой отказался от нее, имея ее в руках. Один, частный человек и иноземец, был провозглашен царем чужим ему народом, другой добровольно сделался из царя частным человеком. Прекрасно приобрести царство честным путем, но прекрасно и предпочесть правду царской власти. Нравственные качества одного были так известны, что его сочли достойным занять престол; но и в другом они были так велики, что заставили его отказаться от престола. Затем, как игроки на лире, один из них, в Спарте, натянул ослабевшие и потерявшие строй струны, напротив, другой, в Риме, ослабил струны, слишком туго натянутые. Задача Ликурга была труднее -- он

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org убеждал граждан снять не броню, бросить дальше от себя не меч, но отказаться от приобретения золота и серебра, проститься с роскошными постелями и столами. Ему приходилось советовать им отказаться не от войн ради праздников и жертвоприношений, но перестать задавать пиры и попойки и ходить всю жизнь вооруженными и заниматься гимнастикой в палестрах. Вот почему одному удалось легко достичь своей цели словом убеждения и приобрести себе любовь и уважение, другому добиться своего с трудом, подвергаясь опасности и получив рану. Мягкий по характеру Нума сумел вну什ить своим подданным любовь к справедливости и миру, смягчить их дикие, суровые нравы. Если нас заставят в число законов, изданных Ликургом, включить и его меры, принятые им относительно илотов, меры, весьма жестокие и несправедливые, нам придется сознаться, что Нума несравненно более заслуживает имени "мягкого" законодателя. Он позволил даже рабам, рожденным в рабстве, узнать ненадолго, в чем состоит счастье свободы, установив обычай: в праздник Сатурналий есть им за одним столом с господами. Говорят, это один из обычаев, введенных Нумой, который хотел, чтобы плодами годового урожая делились и с теми, кто участвовал в полевых работах. Некоторые любители мифологии уверяют, что праздник этот напоминает о равенстве сословий во времена Сатурна, когда не было ни рабов, ни господ и все считались родственниками и ничем не выше один другого.

XXIV (II). Вообще законы обоих одинаковы, делают народы довольными и служат к их нравственному развитию; но из всех добродетелей один отдавал предпочтение храбрости, другой -- справедливости. Быть может, разница нравов и обычаев обоих народов заставила действовать каждого из законодателей различными путями. Не из-за трусости заставил Нума римлян отказаться от их любви к завоеваниям, но из желания сделать их справедливыми; точно так же Ликург сделал своих сограждан воинственными не для того, чтобы они обижали, а для того, чтобы их не обижали другие. Таким образом, оба они, отнимая лишнее и пополняя недостающее в своих согражданах, принуждены были сделать большие перемены в их государственном устройстве. Относительно деления граждан на сословия и классы следует заметить, что Нума -- поклонник крайней демократии, сторонник народа. Его народ состоит из золотых дел мастеров, флейтистов, сапожников, из самых разнообразных элементов; напротив, государственное устройство, данное Ликургом, -- строго аристократическое. Заниматься ремеслами предоставлено рабам и пришельцам, граждане должны уметь лишь владеть щитом и копьем, знать лишь военное ремесло; солдаты, они должны знать и учиться одному -- слушаться начальников и уметь покорять врагов. Свободнорожденные граждане не имели права копить денег, -- чтобы они были свободными и всегда оставались ими, -- копить состояние могли рабы и илоты. На их же обязанности лежало и приготовление обеда и покупка провизии. Нума не сделал подобного рода различия -- он сумел обратить своих подданных к мирным трудам, но не искоренил в них чувства корыстолюбия и не только не уничтожил неравенства в распределении собственности, но даже позволил копить, сколько кто хотел, не обратив внимания на увеличивавшуюся, усилившуюся в городе страшную бедность. Ему следовало, по примеру Ликурга, положить предел алчности в самом начале, когда неравенство состояний не было еще так велико, не давало чувствовать себя так сильно; когда состояния были почти равны, одинаковы, и предупредить происшедшие потом от этого страшные несчастия, источник и начало большинства тех бесчисленных и ужасных зол, которые впоследствии обрушились на Рим. Что касается разделения земель, мне кажется, не следует винить ни Ликурга за то, что он распределил их, ни Нуму за то, что он не произвел этого деления. Первый сделал от этого равенства основание государственного устройства своей родины, второму не приходилось делать нового раздела, так как земля была разделена на участки незадолго перед этим, и уничтожать прежние наделы, продолжавшие, конечно, оставаться в силе.

XXV (III). Нума по прежнему оставил то уважение и почет, которыми римлянки пользовались, начиная со времен Ромула, со стороны мужей, ставшихся угождать им, чтобы заставить забыть поступок с ними. Он окружил их ореолом стыдливости, запретил им быть любопытными, не позволил пить вина и приучил к терпению. Они совершенно не пили вина и не смели без мужа говорить в обществе даже о самых обыденных предметах. Рассказывают, что, когда однажды какая-то женщина стала говорить публично на форуме о своем деле, сенат послал вопросить оракул, не будет ли из-за этого чего-либо особенного для республики. Что римлянки были необыкновенно послушны и кротки, ясно доказывается тем, что нам известны имена тех из них, которые не отличались подобного рода свойствами. Наши историки сохранили имена лиц, впервые возбудивших междуусобную войну, поднявших оружие против братьев, или отцеубийц и матереубийц. Так, римляне помнят, что первым развелся с женой Спурий Карвилий -- ничего подобного не случалось в продолжение двухсот

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org тридцати лет со времени основания Рима, -- что в царствование Тарквния Гордого жена одного из Пинариев, Талия, первая поссорилась со своею свекровью, Геганией. Вот какие мудрые и умные правила издал царь-законодатель относительно жизни супружов.

XVI. (IV). Правила относительно времени выдачи девушек замуж похожи на те правила, какими руководились оба законодателя при их воспитании. Ликург велел выдавать их замуж в зрелых годах, вполне развившихся, чтобы брачные отношения являлись скорей требованием природы и были источником любви и дружбы, нежели ненависти и страха, что бывает тогда, когда женщина знакома с супружеской жизнью преждевременно. Притом тогда у них хватает силы ходить беременными и переносить муки рождения: единственную цель брака Ликург видел в произведении потомства. Римляне выдавали девушек замуж на тринадцатом году и моложе, потому что в это время они, чистые, невинные телом и душою, могут всего больше нравиться мужу. Очевидно, в первом случае принимаются во внимание главным образом требования природы, желание иметь детей, во втором -- требования нравственности, способствующие единению между супружами.

Что касается до надзора за детьми, до их пребывания вместе, до их воспитания, нахождения друг с другом, их обедов, гимнастических упражнений и игр, вообще, до всего, что может внушить им чувства приличия и порядка, -Ликург доказал, что Нума в данном случае ничуть не выше самого заурядного законодателя. Последний дал право отцам воспитывать детей по своему желанию или соображениям. Каждый, например, имел право сделать из своего сына землемельца или плотника, не то готовить его в медники или флейтисты, как будто не следует с первых же шагов направлять воспитание к одной цели -заботиться об исправлении их нравов! Они походили на путешественников, собравшихся с разных сторон на корабль, путешественников, которые, имея каждый свои нужды и цели, действуют дружно лишь под влиянием чувства страха в минуту опасности, боясь каждый лично за себя, в остальное же время -думают всякий о самом себе. Можно извинить ошибки обыкновенным законодателям, ошибки, происшедшие из-за их незнания или слабости, но на что следовало прежде всего обратить внимание человеку умному, принявшему царскую власть над народом, недавно составившим государство, народом, не оказывавшим противодействия ни в чем, как не на воспитание детей и образ жизни молодежи, чтоб их нравы были одинаковы, чтобы в них не было ничего резкого и чтобы все они с самого начала были как бы выкованы, слиты для стремления к нравственному совершенствованию, составляли друг с другом одно нераздельное целое? Это в соединении с другим способствовало сохранению в целости законов Ликурга. Страх нарушить клятву не был бы особенно велик, если бы характер воспитания не запечатлевал законов в сердцах детей и если бы они не всасывали, как бы с молоком матери, любви к данному им государственному устройству. Вот почему главнейшие из его законов, как вполне вошедшие, впитавшиеся краски, сохранялись в полной силе более пяти столетий. Но законы Нумы, имевшие целью дать Риму мир и тишину, были недолговечны: едва он умер, обе двери храма Януса, храма, всегда при нем затворенного, -- как будто он действительно запирал, заключал в нем бога войны, -- были отперты, и груды трупов и потоки крови покрыли Италию. Чудные, справедливейшие из его законов существовали недолго: им недоставало опоры, которая могла бы поддержать их, -- воспитания... Но, скажут мне, не оружием ли достиг Рим могущества? Вопрос, требующий много времени для ответа, когда в особенности его приходится давать людям, видящим счастье государства скорее в богатстве, роскоши и в обширности владении, нежели в общественной безопасности, спокойствии и довольстве, соединенном с любовью к справедливости. К славе Ликурга может служить и то, что римляне, отменив законы Нумы, сделались могущественны, между тем как спартанцы, лишь только стали преступать законы, лишились владычества над Грецией и едва не довели государства до гибели. Но, говоря о Нуме, нельзя не признать важным, не видеть несомненной воли свыше в том, что он, иноземец, призванный на престол, мог все переменить одною силой убеждения; что он умел управлять государством, не прибегая ни к оружию, ни к насилию, как Ликург, который восстановил против народа аристократию, но что ему удалось соединить между собою всех граждан в одно целое единственно своим умом и справедливостью.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

Плутарх Сравнительные жизнеописания Ликург и Нума Помпилий filosoff.org
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!